

Инесса Ципоркина Елена Кабанова Дневник хулиганки

Бяка Лялечка – 1

«Дневник хулиганки»: Питер ; СПб; 2005
ISBN 5-469-00440-6

Аннотация

Приходилось ли вам читать чужой дневник? Не хотите признаваться? Ну и не надо, потому что теперь вы можете абсолютно "на законном основании" прочитать дневник Бяки Лялечки. Знакомьтесь, наша героиня — студентка 20 лет, собирательно-избирательный образ. В ее дневнике намешано много чего: истории, сплетни, рассуждения, всплески эмоций и просто болтовня. Не удивляйтесь, что она разговаривает несколько иначе, чем Машенька. Это не порок, это качество. Вероятно, кому-то кажется, что молодежь и не читает, и не рассуждает, и не пишет. Разве что «эсэмэски». Но это не так. Именно в этом возрасте происходят самые серьезные интеллектуальные накопления, формируются вкусы, складывается индивидуальность. Вот почему в этом возрасте нужны не только наставники, но и собеседники. Например такие, как Бяка Лялечка.

Инесса Ципоркина

Дневник хулиганки

«Крем со всех!»

Какая молодежь пошла, однако! Изнеженная шпана, возвращенная и воспитанная чересчур любящими маменьками-папеньками и дружками-наркоманами, бессмысленно-жестокая, неспособная за себя постоять, тупая, малограмотная, выпендренная, нахально демонстрирующая знание языков и компьютерных премудостей, вечно читающая каких-то подозрительных типов, ненавидящая книги и великую нашу культуру, к которой лично мы относимся... относительно. Нет, получается как-то противоречиво. Сделаем еще заход. Итак: мы дали им все, кроме того, что может пригодиться в реальной жизни — и они еще недовольны! Мы-то в их возрасте перенесли столько — им и не снилось, тем более, что они, похоже, вообще не спят, а только оттягиваются в своих жутких клубах под звуки своей жуткой музыки. Мы не были такими! Мы осваивали целину, выбрасывались на Малую землю, словно дельфины, строили БАМ, который бамкнул по госбюджету так, что до сих пор слышно, наша сила была в плавках, в обсевках, в обмылках... Стоп! Еще попытку? Лучше не стоит.

Всю ерунду, которую способен нагромоздить склеротик в состоянии обострения, не перескажешь. А тем более целое поколение склеротиков. Потому что в определенном возрасте — впрочем, может, это никак не связано с возрастом, а зависит исключительно от состояния мозгов — словом, когда-нибудь из самого себя переходишь в статус «человека поколения». И видишь все совершенно иначе: некие «свершения и достижения», знак эпохи, беззастенчиво припиливаешь себе на лацкан — «Мы пахали!»; всех, кто моложе тебя, оглядываешь с выражением недоумения и легкого пренебрежения — «Ты, хлопек, может быть, не трус, // Да глуп, а мы видали виды»;¹ бескорыстно и бесконечно даешь советы

¹ А.Пушкин «Гусар»

насчет моральных устоев, коим, естественно, требуется именно твое одобрение, дабы устоять (или рухнуть) — «Один раз я даже управлял департаментом».² Охохонюшки...

Конфликт отцов и детей — это конфликт индивидуальности с поколением. Неравная борьба. А если уж быть точным, то это партизанская война: молодежь (неважно, в какие времена и под какую музыку) — не всем кагалом, а поодиночке, каждый сам за себя, целенаправленно, постепенно этак захватывает территории, которые люди зрелые только-только согрели, обсадили, облежали — для себя, для своих нужд. И тут являются эти... панки, яппи, хакеры, шмакеры! Заползли-таки, гады, в наш Эдем! Проникли, яко тать в нощи! И тогда поколение зрелых (поддерживаемое поколениями перезрелых и засохших) стеной встает на защиту славных завоеваний. И на оборону кровных интересов (ну, это а пропос!).

Увы, «вражеские лазунчики»³ неизбежно побеждают. Тем более, что есть еще в нашем стане храбрых защитников вечных ценностей такие ренегаты, которые не желают «присуседиваться» к строительству БАМа и ГУМа, а вспоминают исключительно о чем-то своем. Кооперативные культурологические оргии своего поколения не посещают, интересы и завоевания своей эпохи не обороняют... И вообще проводят жизнь в атмосфере полного, расслабляющего и разлагающего эгоизма. А потому сражаться с «захватчиками» не желают. И даже пытаются усюветить поколения зрелых, перезрелых и выпавших в осадок: нехорошо, дескать, всем миром ополчаться на молодых. Тем более с помощью спекуляции, демагогии и истерии. Недостойное это оружие. Чтобы понять, надо смотреть, слушать, общаться. И потом — никаких поколений... не существует. Есть человеческий возраст — это правда. Есть временной отрезок — это тоже правда. Есть усредненная система ценностей — и это правда. Но люди — разные. Даже очень молодые и очень старые. И те, кто «сливается» в толпу — уже не люди. Толпа обезличивает, а ренегаты этого ужасно не любят.

Честно говоря, мы — как раз такие ренегаты. И нам совсем не хочется ни огульно обвинять, ни чохом нахваливать какое-нибудь явление, поколение, мышление. А вот рассмотреть повнимательнее и порассуждать по делу — неплохая идея. Что такое молодежь? Какова она и каково наше о ней представление? Возглас в толпе: «Жадная до удовольствий!» Ну да. А что, вы такими не были? Разве не помните? «Какое ты хочешь пирожное, деточка?» — «Крем со всех!»

Уголок Дурова — семейный портрет в интерьере

Здрасьте, я Лялечка, которую чаще называют Бякой Лялечкой. Потом объясню, за что. Вообще-то, начать повествование следует не с моей персоны, а с моей семьи. Тогда станет ясно, откуда я такая взялась. Немалую «влепту» в мое формирование внесло окружение — папа, мама, сестра. Потом присоединились дальние родственники, а также друзья-товарищи. Про товарищей я расскажу, позже, а пока — родные и близкие!

Семейные хроники считаются одним из древнейших эпистолярных жанров. И пишутся для того, чтобы выработать у потомков целых три полезных качества — терпение, смирение и умение преодолевать дневной сон. Читатель борется с собой, а по страницам чинно шествуют форсайты с будденброками и мучают его своими проблемами и неспешным многостраничным их разрешением. Поэтому лично мне всегда были по душе более душевные и незатейливые варианты вроде «Семейки Адамс», культивирующие здоровые семейные отношения в нездоровой среде.

Мое семейство напоминает мне сообщество самых причудливых зверообразных, которые по идее должны водиться в совершенно разной флоре и контактировать с абсолютно

² Н.Гоголь «Ревизор». Действие третье, явление VI. Авторам вообще ужасно нравится невинное мошенничество Хлестакова — приближенное к реальности воплощение «вечно детского в душе человека».

³ Корректорам: именно «лазунчики». Это юмор.

другой фауной, но волею судеб оказались в замкнутом пространстве, ограниченном метражом городской квартиры. Здесь они и существуют, налаживают отношения с другими обитателями и время от времени выдают свои сольные номера. «Уголок Дурова», одним словом. Уникальный опыт одного из основателей русского цирка оказался самым пригодным руководством по жизнедеятельности моей семьи.

Описание всегда начинают с самых крупных представителей, а потому я начну с папы. Благо роста в нем целых два метра. Преимущество крупногабаритного родителя я осознала еще в постмладенческом возрасте, когда его огромная тень зависала над песочницей, закрывая полнеба, и никто не смел даже пальцем тронуть мои формочки и куличики. Другие дети мерили его фигуру восхищенным взглядом и про себя прикидывали, что может произойти, если этот дядя Кинг-Конг разъярится и выйдет из себя. Правда, они не знали, что папа — добрейший человек, и ему бывает легче стерпеть от моськи пару укусов, чем раздавить ее. Отец, сколько себя помнил, был всегда большого роста и всегда стеснялся своих размеров. Если в детстве он немного позволял себе пошалить, то это было равносильно «Последнему дню Помпеи». Он быстро рос и ему все становилось тесно: мебель, одежда... Он постоянно испытывал комплекс вины, старался не делать резких движений и научился очаровательно улыбаться, если вдруг нечаянно что-нибудь сокрушал.

С возрастом он стал более флегматичен — к глубокому разочарованию своей мамы. Ей хотелось, чтобы ее сын рос активным и энергичным юношей. Таких обычно изображали на мозаиках районных домов культуры: пионеры, спортсмены, активисты, идущие вместе, с одинаковым ясным, устремленным вдаль взором. Отец же много читал, честно отбывал повинность в музыкальной школе, и отдавая дань природному авантюризму, виртуозно научился играть в покер. Родителей терроризировал идеей, что после школы станет тапером в ресторане. Однажды узрев, как бабуля восхищенно смотрит по телеку парад, на котором маршировали выпускники суворовских училищ, и мечтательно объявляет: «Внуков — в суворовское отдам!», отец поклялся себе страшной клятвой не размножаться ни при каких обстоятельствах. О чем через несколько лет совершенно забыл, когда познакомился с моей будущей мамой.

Отец тогда вдруг проявил совершенно не свойственную ему активность и предприимчивость: быстро познакомился, быстро очаровал, быстро женился. Чем страшно огорчил свою маму, мою бабушку: «Да, Левка, — сокрушалась она, — вот если бы ты так для дела суетился, тебя бы уже давно по телевизору показывали». И еще один из перлов моей бабули: «Лева женился как дурак. Жену взял без денег, без связей... для души!» Вероятно, поэтому бабулю и дедулю с отцовской стороны мы с Майкой в своем нежном детстве видели крайне редко.

Итак, легкомысленным существом без связей и приданного, из-за которого мальчик Лева проявил недюжинную активность, была моя мама Аня. Отец до сих пор смеется, что если в Москве когда-нибудь поставят памятник перспективному положительному молодому человеку с ясным взглядом, то он до самой смерти будет к нему цветы возлагать, потому как именно ему обязан своим семейным счастьем. От такого жениха мама Аня и сбежала к папе Лева. «Лева и сам по себе хорош. Но ты не представляешь, — говорила она тогда своей подруге, — как он выигрывает при сравнении!» У Левы на тот момент не было ни квартиры, ни машины, зато имелось море обаяния и весьма невнятные планы на будущее. Мамина мама была настроена более миролюбиво к союзу Анечки и Левы: «Ну, ладно. Поживут годик-другой, а там, глядишь, и разведутся». Но уже через год сокрушенно вздохнула и поставила диагноз: «Боюсь, что это уже необратимо».

Поведение дочери моей бабуле казалось крайне легкомысленным: Аня легкомысленно вышла замуж за Леву, легкомысленно с ним ужилась, легкомысленно не пилила мужа, за то, что он не зарабатывает денег; так же, не менее легкомысленно, она закончила институт, нашла себе работу и родила очаровательную девочку (меня), а через шесть лет еще одну вредную девчонку (Майку). Со временем легкомыслие мамы Ани принесло свои плоды: муж, которого она заставляла не браться за любую работу, а только за приличную, сделал

хорошую карьеру, сама мама Аня реализовалась в любимом деле, мы с Майкой опять же подросли ничего себе, без патологий.

Как-то я ее спросила:

Интересно, а если бы ты, как классическая — в бабушкином понимании — жена, заставляла бы отца идти к намеченной цели сквозь тернии и звезды⁴ и работать, работать, работать, он бы намного большего достиг?

Я думаю, да, — ответила мать, — он бы еще заработал геморрой, гастрит, сердечную недостаточность, лысину и комплекс неполноценности. А был бы не дурак, то от такой заботы, повинувшись инстинкту самосохранения, сбежал бы к другой бабе.

Ты боялась, что он тебя бросит, если ты будешь на него давить?

Нет. Я не боялась. Я не хотела и не хочу его ломать. Ну, стал бы он менеджером в фирме, потом бы дорос до исполнительного директора или там еще до кого. Представляешь, ползает у тебя перед глазами Годзилла в наморднике и с перебитым хребтом — ужас! К тому же у меня своих дел предостаточно, чтобы на его карьеру молиться.

Мать всегда считала: чтобы добиться от человека результата, его не нужно грузить, не стоит терроризировать и, если не можешь помочь, лучше оставить его в покое. И заняться «производительными расходами» — так она называет походы в кондитерскую, покупку новых платьев и игрушек, освоение новых аттракционов и развлечений и прочие приятные вещи.

И что поразительно, это ее легкомыслие оказалось хорошим спасательным кругом. Нет, неприятности нас, конечно, не обходили стороной, но переносились как-то легче. В нашем с Майкой детстве мы со своими ссорами шли, естественно, к маме и галдели в оба горла одновременно, пытаясь доказать свою правоту и требуя от нее назвать виновного. Мама в таких случаях вместо того, чтобы чинно усесться в кресло и вершить правый суд, шкодливо озиралась, а потом, как заяц, давала от нас хорошего драпака. Мы с Майкой с воплями бросались за ней и начинали ее ловить. Десять минут бега с препятствиями в хорошем темпе по квартире за мамочкой оказывалось очень увлекательным занятием. Мы были охвачены азартом погони и наградой нам была поимка беглянки. Потом все втроем, хохоча, валились на диван — и мы с Майкой уже не могли вспомнить причину ссоры, а если и могли, то не хотели к ней возвращаться. Зато с удовольствием учили маму жить. Особенно Майка:

Какая же ты легкомысленная, мама! — возмущалась она, — Нисколько не заботишься о своем авторитете перед детьми!

Ладно, — примирительно отзывалась мать, — попрошу бабушку: пусть заготовит розги. Будем с отцом пороть вас по субботам.

Майка в ответ на подобные обещания шмыгала носом и смотрела недоверчиво. Это ее коронный номер. Майка — моя младшая сестра. Честно говоря, в своем детстве я не слишком-то радовалась ее появлению на свет. «У тебя появится сестренка, — сладкими голосами пели бабушки, — будешь с ней играть!» Это меня страшно оскорбляло. Принесут карапуза, завернутого в одеяло, который кричит и ходит под себя, и как, спрашивается, мне с ним играть? Тоже мне, нашли подругу. Восторга перед младенцами я не испытывала никакого.

Когда родители привезли Майку из роддома, все мои худшие прогнозы подтвердились. Абсолютно бессмысленное существо, с которым мне придется отныне делить пространство, игрушки и родительскую любовь. С появлением Майки на свет я познала разочарование, утраты и бремя ответственности. Считала, что мое детство кончилось. В шесть лет всерьез подумывала о замужестве. Но Майка потихоньку подрастала и, совершенно не понимая моего скепсиса на свой счет, смотрела на меня глазами, полными обожания. Высшим счастьем для нее было, если я куда-нибудь брала ее с собой: она становилась ужасно гордой и никогда сама не просила пить и писать. Ну, если только иногда. Старалась мне подражать.

⁴ Та же просьба, что и в предыдущей сноске. Убедительно просим корректоров не вносить изменения в наши шутки.

От такого щенячьего обожания со стороны Майки я выростала в собственных глазах, чувствовала себя большой и умной. Мне это нравилось. Так, шаг за шагом: сначала покровительство в виде одолжения, потом снисхождение к недостаткам — и поди ж ты, эта мелочь раскрутила меня на любовь. Потом, когда к Майкиному обожанию меня прибавилось чувство соперничества — со мной же, я уже не злилась, а даже сочувствовала сестрице, переживающей трудный период роста. За исключением тех редких минут, когда хотела ее убить. И не только я.

Как-то Майка довела отца до белого каления, выясняя, кого из нас двоих он первым будет спасать при пожаре: меня или ее. Допекла маму вопросами, кого из дочерей она считает самой красивой. Спасу от Майки не было никому, пока она не уверилась, что именно она, Майя Львовна, есть венец творения и пуп земли. Странно, но я не была против. Даже обрадовалась. Для меня наличие в человеке любви к себе — это пройденный тест на полноценность личности. И залог его дальнейших успехов в жизни. Вообще, Майка в моем сознании застряла где-то в пятилетнем возрасте: она почти с меня ростом и уже переросла маму, а для меня она так и осталась козявкой малолетней. И когда эта зараза во всей непосредственности и наглости своего переходного приходит ко мне и канючит: «Ляль, можно я воспользуюсь тем, что ты меня любишь? Нет? Все равно воспользуюсь. Ляль, дай мне свои атласные штаны на ответственное свидание. Я не буду в них объезжать мустангов и садиться на свежоокрашенные скамейки», отказать ей я не в силах. И, если честно, очень хочу, чтобы Майке не могла отказать не только я одна, а как можно большее количество народа. А уж я-то постараюсь и сделаю все, что в моих силах, — воспитаю ее соответствующим образом.

Я полагаю, что эгоизм с добавлением наблюдательности плюс хорошее знание себя и своих близких — оптимальное сочетание качеств для достижения личного счастья. Потому что отклонения в обе стороны от этой золотой середины весьма и весьма чреватые. Чем? Естественно, неприятностями. Какими конкретно? Ну, во-первых, все чересчур тонкокожие, чересчур восприимчивые к мнению окружающих, чересчур внимательные к чужим страданиям (даже мнимым) люди рано или поздно принимают паниковать, окружать себя Великой Китайской стеной, закукливаться и заклопываться при малейшем прикосновении. Из этой раковины их уже не достать. Причем внутри своего надежного убежища они так же несчастны, словно король Лир под дождем, который если и открывал рот, то изрекал в основном проклятья на неблагодарное человечество и жестокую природу: «Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки! Лей, дождь, как из ведра и затопи верхушки флюгеров и колоколен!»⁵ А во-вторых, люди ненаблюдательные, перевалившие за грань эгоцентризма, подвергаются большой опасности: их могут облапошить и развести на деньги, на любовь или еще на что-нибудь ценное — как Регана с Гонерильей⁶ развели папочку на полцарства, а потом отказались оплачивать содержание техперсонала.

Надо видеть, с кем имеешь дело. А чтобы видеть, надо уметь смотреть. Причем не просто пялиться, а делать выводы, составлять собственное мнение, ставить собственные цели и задачи, планировать собственные тактики. Чужое не годится не потому, что оно *плохое*, а просто потому, что оно *чужое*. Каждому необходимо свое, иначе жизнь проходит, как поездка автостопом: самые прекрасные пейзажи уже не вызывают ничего, кроме беспокойства — удастся ли отсюда выбраться? Подвернется ли попутка? Или придется ночевать на обочине?

Все вышеизложенное — мои собственные, пусть и не самые оригинальные, мысли. Мое самоощущение и мои убеждения зиждутся на платформе эгоизма и нежелания плестись за кем-нибудь, бляя, будто английский песенный барашек, «белый, точно снег» — за своей хозяйкой Мэри. Хотя я нередко наступаю собственной песне на это самое, на заветное —

5 В.Шекспир «Король Лир». Акт III, сцена 2.

6 Дочки Лира — именно они довели папаню до вдохновляющих бесед с атмосферными явлениями.

исключительно чтобы пощадить чувства очередной особы из своего окружения, не в меру возгоревшейся страстями. Не всех же поголовно спасать и очищать от «психических шлаков»? Пусть следует своей судьбе, если ничего другого не умеет. Я слишком занята собой, чтобы непрерывно воевать с мировой инерцией и несовершенством мироздания.

Узнаете нарисованный автопортрет? Да, Малышка Мю — едва ли не главная личность среди моего внутреннего психологического калейдоскопа. На втором месте наверняка Снусмумрик. Тоже тот еще пофигист. Если этой сладкой парочке позволить разгуляться во всю мощь — они меня лишат всякого общения. Народ разбежится и попрячется. Да, я ведь не объяснила, при чем тут Мю и Снусмумрик. Ладно, слушай, народ, песню мою.

Муми-мы — сказка как быль, быль как сказка

Игру в Муми-дален⁷ мы с Майкой ведем с незапамятных времен. В детстве мамуля нам читала на ночь Туве Янссон, и семейство Муми-троллей со товарищи нам казалось живее всех живых и роднее всех родных. Потом, подрастая мы с сестрой — каждая в свое время, обнаружили, насколько реальные люди похожи на сказочных монстриков из нашей любимой долины, где проживает Муми-семейство. А заметив сходство, мы, естественно, сделали следующий шаг: разложили всех ближних-дальних по соответствующим полочкам. Полочек накопилось шесть — Муми-тролль и Снифф, фрекен Снорк и ее братец Снорк, Малышка Мю и Снусмумрик. Сейчас, соберусь с силами и обстоятельно всех опишу. С цитатами и комментариями. Итак!

Муми-тролль. Жутко энергичный стратег, но плохой тактик. Изобретет план, в котором, может, полным-полно проколов — и пойдет на риск, но от своего не откажется. Упрям. Это у него наследственное: Муми-папа в свое время удрал из дома для подкидышей, которым управляла препротивная Хемулиха, прихватив с собой в качестве припаса одну-единственную банку тыквенного пюре. Сбежал, чтобы стать знаменитым и среди прочих дел построить дом для маленьких подкидышей-хемулят (назло Хемулихе, надо понимать). «И все они будут есть бутерброды с патокой в кровати, а под кроватью будут держать скунсов и ежей». Муми-тролль, конечно, уже не такой безбашенный авантюрист, как его родитель — ведь он-то не в приюте растет, а в атмосфере полной любви и понимания. Но природу не побороть, поэтому Муми-тролль вечно что-то затевает. И его друзья, несмотря на всякие предполагаемые опасности и ужасности, следуют за ним как за признанным лидером.

У Муми-тролля доброе сердце, он любит друзей и снисходителен к врагам. Он — единственный из всех героев книг Туве Янссон пожалел главное пугало Муми-дален — «страхсла и ужассла» Морру, которая замораживает все на своем пути и от которой убегают даже растения! Пожалел и помог Морре согреться. И она перестала замораживать все живое. И даже сплясала на радостях. Таков Муми-тролль с врагами!

А какой он герой, если надо друга выручить — ни пером описать, ни гонораром оплатить. Когда всем участникам экспедиции, которую затеял самолично Муми-тролль, показалось, что фрекен Снорк грозит опасность (как и всей Земле, потому что прямо в долину Муми направлялась огромная красная комета) — тогда доблестный предводитель напрямую заявил всем, кто отправился в путь, дабы узнать точные сроки конца света: «Да ну ее, эту комету! Папа с мамой все уладят, только бы нам вовремя вернуться домой... Но мы должны найти фрекен Снорк!» Его оптимизм бесконечен и живителен. Вот почему Муми-тролли в компании солируют — притом, что вечно втягивают окружающих в рискованные предприятия — и отнюдь не всегда успешные. Зато рядом с Муми-троллем ощущаешь всю полноту жизни.

Снифф. В душе Снифф постоянно взывает к могущественным «внешним силам»,

⁷ В этой главе постоянно цитируются и пересказываются книги Туве Янссон «Мемуары папы Муми-тролля», «Опасное лето», «Шляпа волшебника», «Маленькие тролли и большое наводнение», «Комета прилетает», «Волшебная зима».

которых ужасно боится и старается задобрить: «О покровитель маленьких зверьков, будь добр, будь добр...» А еще Сниффу жалко себя. Практически всегда. «Не хочу больше быть маленьким. И играть мне не с кем...» Он все время опасается серьезных (и несерьезных) проблем и оттого хлопочет неустанно — старается себя обезопасить. В той самой истории с прилетающей кометой Снифф даже пытался выпросить у Снусмумрика бутылочку подземного масла для загара, которым натираются огненные духи, когда опускаются к центру Земли — ведь если им натереться, можно безбоязненно пройти сквозь огонь! Снифф надеялся, что масла хватит на маленького зверька «ну, скажем, моей величины».

Казалось бы, перед нами жалкий трус и презренный эгоист — но... не все так просто. В том числе и в сказках. Снифф всерьез рискнул собственной жизнью, чтобы спасти от кометы одного весьма неласкового котенка. В принципе, если Сниффа определенным образом настроить, то он забывает страх. «Снифф был до того расстроен и зол, что забыл, как страшно ему было раньше в лесу. Казалось, будто деревья вырезаны из красной бумаги. Лес стоял неподвижный, горячая земля хрустела под ногами. Снифф утешался лишь тем, что он произвел впечатление на остальных что их сейчас, наверное, терзают угрызения совести». Конечно же, спасти окончательно обоих — и неадекватно мыслящую киску, и заблудившегося разобиженного Сниффа — пришлось Муми-троллю. Но именно благодаря маленькому эгоистичному зверьку, который вознамерился было намазаться маслом огненных духов и спастись в одиночку, тот самый капризный котенок не сгорел вместе с лесным сухостоем, когда комета подлетела к самой Земле. Снифф, в общем-то, способен на мужество — до некоторой степени — и даже на подвиг — но только если нет другого выхода.

Притом Снифф всерьез боится разочаровать своих друзей. Тем более, что ему вечно не хватает уверенности в себе. И потому он избегает выбора — вместо этого Снифф доверяет выбор другим, а сам суетится вокруг и подпрыгивает от возбуждения. Да, он страшно переживает и волнуется. «В его сердце, чересчур приверженном к собственности и слишком любившем ее, разыгралась жестокая борьба». И кстати, насчет любви к собственности: Снифф не жадина — в реальном смысле этого слова. Он любит драгоценности, но слишком непосредственной, детской и в некотором роде бескорыстной любовью, чтобы такое чувство можно было счесть тривиальной жадностью. Снифф — натура увлекающаяся, тонкая, нервная, а оттого склонная к разным заскокам — к психологической зависимости, к истерической реакции, к приступам паники...

Чем, спрашивается, такому Сниффу помочь? Как сделать, чтобы он не залезал под матрац, не отказывался от общения с окружающими только потому, что на праздничном торте, который испекла Муми-мама, написано «Моему любимому Муми-троллю», а вовсе не «Моему любимому Сниффу»? Ответ простой: надо подарить ему торт с соответствующей надписью и не ругать его за допущенные ошибки. Хотя бы некоторое время. Снифф — невыносимый, бестолковый, капризный, трусоватый, ранимый и чувствительный ребенок, который живет в каждом из нас. Безжалостное отношение к Сниффу может разрушить даже личность вполне защищенную и неплохо приспособленную к окружающей среде. В общем, Сниффов лучше поберечь!

Снорк. Боготворит порядок и блюдет всевозможные требования и правила. Снорк и накануне конца света примется устраивать совещания, сам себя назначив председателем и секретарем. Сперва кажется, что это про него говорила американская писательница Мэри Райнхарт: «Мир не создан для умных. Он создан для упрямых и крепколобых, которые не держат в голове больше одной мысли одновременно». Но лишь на первый взгляд. На второй в Снорке обнаруживаются не только бюрократические наклонности — нет, в нем есть искательский азарт и научный подход, и много всякого разного — зачастую довольно неожиданного. Снорка живо интересует причина любого казуса сказочной жизни в Муми-дален. Снорк может отыскать золотую жилу во время семейного пикника муми-троллей на Острове хатифнаттов. Наконец, Снорк наделен недюжинным артистическим дарованием. Как он ловко сделал вставные зубы из апельсиновой кожуры, чтобы изображать «врага

вообще», играя в приключения Гарзана!

Снорк — очень разный. Не зря порода снорков может менять окраску в зависимости от настроения. Все зависит от идеала, на который Снорку хочется походить. Как и большинство существ — сказочных и не сказочных — Снорк любит, чтобы его уважали, да и сам уважает догмы и нормы. Ведь это Снорк вел судебный процесс «Морра против Тофсла и Вифсла». Все муми-тролли заявили, что им «ужасно нравятся Тофсла и Вифсла, Морру же они не одобряли с самого начала». На этом основании судье предлагалось в наглуго отобрать у Морры таинственное Содержимое чемодана — самое красивое и самое драгоценное, что только есть на свете! Многие ли судьи устояли перед прессингом своих близких? Или перед искушением слегка злоупотребить властью, дабы заполучить нечто драгоценное — пусть и не особенно красивое? А вот Снорк устоял. И вдобавок пристыдил распоясавшихся близких, заявив, что «справедливость должна быть справедливой», свидетели — объективными, «особенно учитывая то, что сами Тофсла и Вифсла никогда не поймут разницы между справедливостью и несправедливостью». Но в то же время именно Снорку в голову пришла сногшибательная идея выкупить у Морры Содержимое. Он даже предложил ей свою Золотую гору на Острове хатифнаттов!

Итак, Снорк не способен ни быть, ни казаться настолько безграничным и непосредственным циником, как, например, Малышка Мю. Хотя бывает так, что Снорк претупает черту приличий: его упорство становится узколобостью, педантизм — занудством, практичность — скупостью и т. п. Но «до черты» Снорк довольно мил. Общение с ним удобно и полезно. Тем более, если использовать снорковые таланты на полную катушку.

Снусмумрик. Удивительное создание, которое сложно понять и еще сложнее приручить. Он отдает себя «великой задаче» — притом не навязанной извне, а своей собственной — песням, путешествиям, познанию мира... Даже сказочных персонажей удивляют образ жизни Снусмумрика. «Я живу то здесь, то там. Сегодня я оказался здесь. А завтра буду где-нибудь в другом месте. Мне нравится жить в палатке». Снусмумрик передвигается на ходулях по горячим лавовым полям, спасает огненных духов, сочиняет музыку и все, что он видит, принадлежит ему. «Вся Земля моя, если хочешь знать» — вот такая у Снусмумрика «концепция».

Привычки и убеждения Снусмумрика вызывают протест у многих. В частности, у Сниффа. Да что греха таить, большинству из нас трудно утешиться тем, что это «всегда тяжело, когда хочешь что-то иметь, унести его с собой, чтобы оно принадлежало только тебе». Как же можно, оказавшись возле гранатового ущелья, не взять ни единого камушка? И на философские рассуждения Снусмумрика про то, как «я просто смотрю на них, а когда ухожу, они остаются у меня в памяти. Есть более приятные занятия, чем таскать чемоданы», хочется устроить истерику или закатить скандал. В несказочной обстановке так обычно и происходит. Почему? Из-за непонимания! Чего ему вообще от жизни надо, этому бездомному психу в старой зеленой шляпе?

Кстати, сам-то он отлично знает, чего хочет, но практически ничего не объясняет любопытствующим. И тем более не любит, когда кто-то сует нос в его дела и расспрашивает, будто полуденница. Впрочем, полуденница — это уже из другой сказки. Из восточноевропейского фольклора. Длинная такая, тощая блондинка — типа модель — и не в меру любопытная. Если кто не спрячется в тень на предмет дневной фиесты, она того остановит и примется расспрашивать про то, про се, про все. И не отпустит, пока бедолага в обморок не грохнется. Несчастливая! Как ей, наверное, интернета не хватает... Так, о чем это я? Так вот, для Снусмумрика рядовое человеческое общение ничуть не легче мистической любознательности фольклорного восточноевропейского персонажа. Наверное, поэтому его реакции производят впечатление неадекватных, а мир, в котором обитает Снусмумрик, кажется нереальным или вообще выдуманным. Только подружившись со Снусмумриком, начинаешь понимать и даже разделять его мировоззрение.

Малышка Мю. Чудо непосредственности и здорового цинизма. Феномен равнодушия

к чужому мнению. Малышка Мю живет настоящим и не строит планов, на любую проблему предпочитает реагировать действием, а не рефлексиями и уж тем более не всплеском эмоций. Увидев замерзшего насмерть бельчонок, заглянувшего прямо в глаза Ледяной деве, Малышка Мю не переживает и не пытается утешиться, как делает Муми-тролль, мыслью о том, что перед смертью бельчонок увидел что-то очень красивое. «Что подделаешь. Как бы там ни было, теперь он забыл обо всем на свете. А я собираюсь сделать из его хвостика премиленькую муфточку». И траурных лент на похороны бельчонок Мю надевать не станет: «Если я горюю, мне вовсе незачем это показывать и надевать разные там бантики». Впрочем, Малышка Мю признается: она не умеет горевать. «Я умею только злиться или радоваться. А разве бельчонок поможет, если я стану горевать? Зато если я разозлюсь на Ледяную деву, то, может, и укушу ее когда-нибудь за ногу. И тогда, пожалуй, она поостережется щекотать других маленьких бельчат за ушки только потому, что они такие миленькие и пушистые».

Мю не нужны ни правила, ни запреты, чтобы определиться с целями и средствами. Если тебе чего-то хочется, значит, этого надо добиться! Малышке Мю неведомы сомнения и страхи. Она чрезвычайно любит побеждать в борьбе, но и в случае проигрыша не унывает. Разве что в ее голове промелькнет: «Только бы эти болваны не вздумали выйти спасти меня. Они только испортят мне праздник». Да, риск для Мю — праздник. «Удивительно, до чего легко со всем справляешься, если тебя зовут Мю!» Конечно, такое поведение не может не раздражать и не вызывать осуждения. Но Малышку Мю бесполезно упрекать, допекать и перевоспитывать. В этой гармоничной личности нечего перекраивать. Мю — самое искреннее, прямолинейное и целеустремленное существо на свете. Видимо, поэтому она и в воде не тонет, и в огне не горит.

Разумеется, Мю временами проявляет заботу о ближнем и выказывает благие намерения. Например, прорежет в грелке для кофейника дырки для рук и для головы, превратит серебряный поднос в санки — а потом и грелку заштопает, и поднос начистит. И, конечно, нельзя забывать, что «быть может, добрые намерения важнее результата». Для Малышек Мю подобные — весьма скромные — проявления теплых чувств есть своего рода моральный подвиг. Такие уж они по своей природе, эти самые Мю: им легче в старом тазу переплыть Атлантику, чем явственно выказать любовь, доброту и... слабость.

Фрекен Снорк. Фрекен Снорк, в отличие от своего братца, девушка импульсивная, забывчивая и легкомысленная. Или кажется таковой. Тем более, что фрекен Снорк — именно такая, какой ее видят. Потому что ее самоощущение зависит от мнения окружающих. И угроза гибели всей планеты не может ее отвлечь от забот о собственной внешности: фрекен Снорк будет расстраиваться из-за потерянного браслета, разбитого зеркальца, нерасчесанной челки... Идеи насчет спасения от глобальной катастрофы рождаются у фрекен Снорк между приготовлением супа и выбором цветов для обеденного стола. Причем цветы фрекен непременно подберет в тон своей шерстке. И возражения брата насчет того, что «не время сейчас танцевать, когда Земля на краю гибели», барышня Снорк отмечает совершенно резонным (по законам женской логики) аргументом: «Но тогда это для нас последняя возможность потанцевать!» — затем добавляет еще аргумент — по большому счету, малоутешительный: «Ведь она погибнет только через два дня!» Действительно, когда, как не теперь, представится случай потанцевать?

Фрекен Снорк обожает внимание, ценит разные «материальные знаки» побед — медали, например. Вот почему в магазинчике возле танцплощадки, где Муми-тролль и его спутники используют последний шанс потанцевать и совершить шоппинг, фрекен Снорк хочет приобрести что-то вроде «красивых звезд, которые мужчины любят носить на шее» и, конечно же, зеркальце. Чтобы заглянуть в него вдвоем с Муми-троллем — а заодно хорошенько разглядеть, как ты смотришься рядом с мужчиной, награжденным медалью. И даже собственные победы-подвиги таким фрекен не столь важны, если некому продемонстрировать достигнутый результат. «Как печально, что столько разных находок всегда достается кому угодно, только не мне. Другие прыгают по льдинам, запруживают ручьи и ловят муравьиных львов. А мне так хотелось бы совершить нечто неслыханное — и

обязательно одной, — чтобы поразить Муми-тролля». «Неслыханное» — лишь средство для того, чтобы подняться в чьих-то глазах. В противном случае все не то для фрекен Снорк.

Ведь когда ей удалось выудить из моря «деревянную королеву» — женскую фигуру из тех, которыми украшали штевень корабля — бедная фрекен вскоре обнаружила, что ее любимому Муми-троллю ужасно понравилась деревянная голубоглазая красавица. В общем, юная Снорк аж посерела от ревности. И хотя Муми-тролль успокоил подружку, признав, что «у деревянной королевы ужасно глупый вид», барышня его «измены» не забыла и впоследствии попросила у Волшебника, чтобы тот сделал ей вот такие голубые глаза — как у «разлучницы». О чем здорово пожалела. Если бы не доброта Снорка, потратившего на возвращение сестре первоначального облика свое законное желание — «машину, которая вычисляет, справедливо ли то или другое дело или же оно несправедливо, хорошо оно или плохо» — худо бы ревнивой фрекен пришлось... Впрочем, говоря словами самого Снорка, «такими они уродились, и тут уж ничего не поделаешь».

Как ни странно, в «систему» не вписались самые яркие персонажи сказок про муми-троллей — Муми-мама, ходячая амнистия, гений уюта, сама любовь и всепрощение; Муми-папа, в молодости неукротимый искатель приключений и отчаянный фантазер, в зрелости — такой же фантазер, искатель приключений, прожектор и ипохондрик; Ондатр, он же Выхухоль, не столько философ, сколько эгоист и верный поклонник книги «О бренности всего сущего»; кузены Хемули, которые почему-то носят исключительно платья с оборками и по жизни интересуются лишь марками для коллекции или растениями для гербария; пугливые чудики Тофсла и Вифсла, лишённые чувства справедливости, но не лишённые чувства прекрасного, а потому не побоявшиеся обокрасть саму Морру — словом, многие достойные личности так и не вошли в число избранных. Вернее, вошли и вышли. Не смогли удержаться. Сперва мы считали: это потому, что не в сказке, а в жизни черты любого характера несколько «смазанные», без откровенных безумств. Наверное, подобной четкости мешает психологический «разнобой» — этакий калейдоскоп в мозгу, составленный из нескольких типажей, да еще приправленный необходимостью адаптироваться к обстановке.

Но одно неизменно удивляло нас с Майкой: все перечисленные персонажи — просто симпатяги. Откуда, как говорится в некоем стихотворении, «вокруг, в конце концов, слишком много м-м-м... дураков»?⁸ Нет, определенно, все обстоит весьма хреново — оттого, что люди доводят психологическую гармонию, возможную лишь в сказке, до степени саморазрушения, возможной лишь в жизни. Ведь любого из персонажей Туве Янссон можно довести до состояния Морры. Той самой Морры, именем которой неприлично ругаются: «Где эта моррова веревка? Морра меня подери!» — словом, читателю ясно, что эта Морра остальной публике не слишком мила и приятна. Но если сказочные герои держат себя в рамках, то живые люди ничем таким не озабочены. Поэтому множество личностей распускают себя патологически. Куда там Морре!

И уж конечно, никакой Хемуль, маньяк-филателист, не сравнится в аутизме со своеобычной советской бабушкой, твердящей про то, как «раньше было лучше», или со славянофилом, вечно ведущим борьбу с тлетворным влиянием Запада — борьбу, незаметную как для Запада, так и для объекта защиты от тлетворных влияний. Разве что хатифнатты — примитивные существа, которых ничего не интересует, кроме грозы, которую они повсюду ищут, чтобы накачаться электричеством по самые глаза — вот они, пожалуй, походят на тех странных типов, с которыми вечно приходится сталкиваться. В любое время в любом месте. Воистину, мы — нация чудиков. Остается надеяться, что это не станет причиной нашего исчезновения с лица Земли. Притом никто из нас, нормальных, здравомыслящих людей не может считать себя в безопасности. Нет, главная опасность исходит не от придурка с топором, который повсюду рыщет и ждет подходящего шанса, дабы зверски зарубить шестерых. Опасность — внутри нас.

Я как-то раз прочла книжку по психологии, из которой узнала неутешительную

⁸ Видоизмененная цитата из стихотворения С.Черного «Вешалка дураков».

новость: оказывается, 85 % дремлющих клеток нашего головного мозга скрывают в себе другие личности. Выходит, у меня в голове может поместиться полдюжины малознакомых и малосимпатичных особ, с которыми в жизни я бы на одном поле... Хорошо, если развиваешься гармонично и можешь жизнь прожить, как мутовку облизать — доктором Джекилом или маньяком Хайдом, не шмыгая туда-сюда, словно таракан по коммуналке. А если нет? Заработаешь раздвоение личности и будешь сам себе письма писать. Издалека. Естественно, я тут же поделилась нелицеприятной информацией с Майкой, а она и говорит: «Может, когда человек собой недоволен — он недоволен кем-то из скрытых личностей? Ну, Сниффу не нравится Снусмумрик, Снорку — Малышка Мю... И наоборот. Получается, что совершенство — это когда ты весь цельный, одинаковый, безальтернативный...» Спорное суждение, конечно. Но сам вопрос меня заинтересовал: и в самом деле, как такое может быть, что человек — практически каждый — себя не любит? Да еще находит единомышленников для такого важного дела, как нелюбовь к себе. На эту тему забавно выразилась американка по имени Кэрол Зискинд: «Это была типичная любовь-ненависть. Мы оба любили его и ненавидели меня».

При сем при всем через аналогичные испытания проходит большая часть людского рода! Зачем, спрашивается? Какой нам от этого профит? Да уж, кто бы говорил... Особы женского пола вообще подвержены лирическому мазохизму — тем более в моем возрасте. У меня тому масса доказательств.

Бог и повелитель с плеткой-семихвосткой

Я опять пала жертвой романтических настроений. Причем чужих. У нас на курсе любовное поветрие: почти все девчонки сходят с ума по одному парню из нашей группы. Могли бы даже организовать что-то вроде клуба по интересам. Бойцовского, например. Собирались бы там и били друг другу морды — от безысходности. Все ж какая-то разрядка. Увы! Все влюбленные девы, как одна, пошли другим путем. Причем не по сговору, а интуитивно. На самом деле ни одна из них не подозревает о существовании такого количества соратниц на славном поприще. Каждая любит и страдает в одиночестве. А исповедуются они мне — все, но поодиночке. Как лицу в высшей степени незаинтересованному. Господи! Да чем там можно заинтересоваться? Если только клиническим аспектом.

Юноша, перед поступлением в университет отрубивший пару лет в военном училище и теперь бравирующий тамошними ужимками и прыжками на гражданке. Скалозуб рядом с ним показался бы обаяшкой и душой-человеком. А Шура Малахов, кумир наших девок, скорее похож на зануду-Чацкого, который к тому же немало лишнего веса нажрал, чтоб солидней выглядеть. Даже малаховские дружбаны зовут его между собой «жирной лошадей». Что только служит подтверждением истины: женщины любят не глазами, женщины, во всяком случае за дев с нашего курса могу поручиться, любят... очень странное сочетание качеств — информацию и унижение.

Когда еще в «школьные годы чудесные» я читала рассказ О'Генри «Справочник Гименя» — очень веселилась. Но мне и в голову не могло придти, что в реальной жизни я увижу нечто подобное — наяву. У О'Генри главный герой покорила свою возлюбленную тем, что пересказывал «светочу души своей» данные из статистического справочника, а его друг, декламировавший той же самой тетке любовную лирику Омара Хаяма, разгневал даму и был подвергнут самому «острому кизму». Бегать по кустам с кувшинами вина, как предлагали томные восточные рубаи, добропорядочная особа не захотела, зато с удовольствием слушала про среднестатистическое содержание волос на голове, про численность населения в Китае и про количество пятен на шкуре леопарда. Информация, выданная кавалером, ее завораживала, любовь к статистике казалась дамочке несомненным признаком изрядного ума и респектабельности.

И хотя в то бурное время в Америке индейцев еще отстреливали, а негров линчевали,

но к женщинам уже относились политкорректно. Влюбленный статистик цитировал справочник, но не упрекал свою даму сердца за малообразованность. Он делился, а не самоутверждался. В России подобное поведение — воистину рыцарство высшей пробы. И встречается более чем редко. А потому отечественный назем внес свои коррективы в «информативный дележ». Шура Малахов активно занимался просвещением девиц, неизменно их при этом унижая.

«А ты можешь, село, перечислить имена и годы правления византийских императоров?» — мог он ни с того, ни с сего обратиться к кому-нибудь из сокурсниц. Самым распространенным ответом ему было смущенное «хи-хи». А дальше, пока Малахов сыпал именами и датами, девицы таяли, рдели и заглядывали ему в глаза. «И что с тебя взять, дура?» — миролюбиво заканчивал Шура с царскими династиями и, добывая жертву интеллектом, шел на второй заход: «А знаешь, сколько...?» И все повторялось. Вот такой покоритель девичьих сердец. Снорк-зануда в самой тяжелой, запущенной форме, с добавлением дешевого актерства и беззастенчивого самолюбования, рядом с которым милое кокетство фрекен Снорк — фарфоровая пастушка с изящным букетиком, которую поместили возле мухинской сладкой парочки, мужественно вздымающей серп, молот и девятитонный шарфик.

Я грешным делом полагала, что ежели мамзель вынесла три-четыре малаховских речитатива и не придушила этот «уникум», то ей полагается хотя бы небольшая компенсация в виде приглашения в кабак или на дискотеку. Но увы, на просвещении у Шуры все и заканчивалось. Ибо до танцев он не унижался (он вообще с трудом ходил), а тратить деньги на кормежку дур необразованных, далеких от заучивания километровых списков имен и дат, — это он просто считал ниже своего достоинства, о чем заявлял открыто. Шура считал, что ухаживать должен не *он*, а *за ним*. Впрочем, я полагаю, если одна из девок и отважилась на попытку накормить-напоить нашего жирника-интеллектуала за собственный счет, то Малахов все равно отказался... бы. Он патологически боится женщин. А пойти в педерасты мешает здоровое военное воспитание.

Меня-то Малахов еще в начале первого курса попытался проверить «на вшивость».

А ты, вообще, кто та-акая? — встретил он меня презрительно-недоуменным вопросом, когда я входила в аудиторию «в первый раз, в первый класс». Как будто моя бякина индивидуальность могла быть кому-то не видна и непонятна.

Элега-антно, — усмехнулась я, — Ну, тебе-то уж точно представляться не надо. Поскольку все твое пролетарское происхождение у тебя на физиономии написано. А еще злость к классу эксплуататоров.

А ты, значит, из эксплуататоров?

А как же. Смазливые девицы все из эксплуататоров. А ты не знал?

А ты, значит, смазливая? А по-моему — страшная!

Твои проблемы. Вкус неимущего для меня — не авторитет. Меня любят богатые мужчины.

То ли Малахов услышал в моем трепе какие-то скрытые заигрывания с собой, любимым, то ли с ним раньше никто так не разговаривал, но он явно струсил. Разговора не продолжил, на людях больше не хамил, вообще обходил меня за версту. Словом, получив отпор, повел себя разумно, старался больше не нарываться. Дурой он меня звал исключительно за глаза. Так что я была избавлена от его просветительских наскоков. Зато других он просто насилывал своей эрудицией: любил встать посреди коридора и начать громко разглагольствовать. Наши барышни и пожилые преподавательницы были от него в восторге. Я осталась на обочине тропы народной любви, о чем нисколько не жалела.

И тут-то наши девицы решили взять меня в конфидентки. То Люська, закатывая глаза, допытывалась у меня в курилке:

Разве тебе не кажется, что Малахов — это нечто? Он та-акой своеобра-а-азный!

Он, что, поведал тебе наемдни, сколько костей в теле динозавра?

Ляль, ну че ты придуриваешься? Ну кого с ним из наших сравнить можно?

Из наших — нельзя. Только параноиков в последней стадии.
Да ладно тебе. Не, он как загнет! Очень своеобразный!
То Аленька грустно исповедывалась:
Мне кажется, Шура меня любит и скрывает свои чувства!
Почему ты так думаешь?
У нас очень сложные отношения. Он ведет себя со мной неадекватно!
Дурой, что ли, называет?
Ну, и это тоже. Но без малейшего повода! По-моему он мне хочет сказать что-то большее, но стесняется своих эмоций.
Ляля, молчать! В такие минуты даже змея не жалит:
Тебе, Аленька, виднее. А чем же он так тебя привлек?
Это же очевидно. Он очень значительный! Он обо всем знает. Он очень интересный, незаурядный человек.
Только не слишком воспитанный.
Все талантливые люди неадекватны в своем поведении!
С чего она взяла? Кто вбил ей эту дурь в голову про неадекватность талантливых людей? Почему ум так легко приравнивается к бессмысленному поглощению информации? Какой смак в знании, которое не обрабатывается, а существует как самоцель или как средство для демонстрации? Слово двухметровый хвостик для птички. Главным образом для павлина.
Ляль, а у тебя с Малаховым было? — Аленька смотрела на меня испытующим взором.
С чего ты взяла?
Ну, он болезненно на тебя реагирует, я заметила. Никогда с тобой не разговаривает, плохо о тебе отзывается...
Слушай, а не проще ли сделать вывод, что я ему просто не нравлюсь? А он мне. И все!
А это возможно?
Что возможно?
Чтобы Малахов не нравился?
По мне — так запросто!
А на днях на меня обрушилась Светка. И ведь не предвещал же день ничего плохого. Сидели себе тихо, готовились к зачету. И тут Светка задает мне вопрос дрожащим голосом и нарочито безразличным тоном:
Ляль, а что ты думаешь о Малахове?
Ничего особенного. Дурак и хам.
Пауза.
Ты сама так считаешь или тебе кто-то сказал?
Сама.
Почему?
И вдруг меня как прорвало:
А тут ничего сложного. На самом деле ваш обожаемый Шура прост, как репа. Информацию он копит оттого, что боится собственной заурядности. Надеется на ложные предпосылки, на «закон отличника»: чем больше прочтет, тем умнее будет. Увы. Чтобы так прямолинейно рассуждать, надо не иметь ни малейшего представления о природе ума. А Шура, кстати, и сам в собственном интеллекте не уверен, потому и ведет себя агрессивно. Сразу начинает давить. Вопросы задает, будто перед ним отчитываться обязаны. Уверенные в себе люди не хамят всем поголовно. Им это незачем. Они спокойны и благодушны. А Малахов всегда ошестиненный. Как он себя с девками ведет? Школьники от таких комплексов лет в пятнадцать выздоравливают. А Шура, бедолага, до сих пор весь в скепсисе. И все от страха. Не знает, как надо при бабе держаться, чтобы выглядеть нормально — вот и выпендривается на уровне детского сада. «Смотрите, сколько я знаю!» — и бегом в кусты.
Светка сидела сгорбившись:
Наверное, так оно все и есть. Я что-то такое подозревала. Что же мне делать? Он всегда

был для меня загадкой. И вот теперь так раскрылся. Во что мне верить? Кого любить?

Последние реплики относились явно не ко мне, а к Боженке. И все же я рискнула дать совет:

Кого-нибудь не такого корявого, а лучше милого и обаятельного.

Светка медленно качала головой. Она против своей воли была согласна со мной. Но так просто сдавать свой окоп ей не хотелось. Столько затрачено сил! Сколько пролито слез! Сколько сладких мук и тяжелых дум! Моя бы воля, я бы ей включила надрывно грустный полонез Огинского. «Расставанье с родиной» — ну очень освежает. Перед Светкой тоже маячило расставанье с психологической родиной — пространством без конца и края под названием «Мазохизм».

Почему наши женщины, начиная с теток и бабок и кончая совсем юными созданиями, так охотно причаливают к этому берегу, словно он медом намазан? В пособиях по психологии все бла-бла-бла про мазохизм одинаковы: несамодостаточная личность старается себя дополнить за счет защитника-покровителя, причем довлеет образ строгого отца, формируется взаимосвязь «наказание-защита» — «если бьет, значит, любит». И в случае чего спасет, уберезет, телом прикроет. Нехитрая модель. Ошибка в начале и крах в конце. Но ты попробуй в ту степь не свернуть, коли тебя кони несут! А от чего, спрашивается, ваши кони внезапно понесли, милая барышня? От паники. А откуда паника берется? От неуверенности в себе и от страха перед большим жестоким миром. Вот так. Причины-следствия, как на ладони. Но это ничего не меняет.

Я не люблю, когда на меня давят. И мне противно, когда меня используют — для самоутверждения, например. Унижений я терпеть не собираюсь — ни от кого. И исключений не сделаю даже для всего из себя признанного авторитета. Если я не спрашиваю у пресловутого «знающего человека» совета и помощи, нечего ему лезть и клеиться ко мне со своими выдающимися (а чаще мнимыми) талантами. И даже если мне что-нибудь этакое информативное занудилось, плоды познания пополам с желчью и прочими выделениями организма я принимать отказываюсь. Согласился помочь — веди себя по-человечески, а не плюйся ядом на дальность расстояния. Не умеешь по-человечески — уединись в пустыне и беседуй с птицами. Или с крысами — самая лучшая компания для тебя и тебе подобных.

Но это — моя позиция. Другим — особенно русским бабам, традиционно склонным «покорствовать» — им гораздо легче пожертвовать толикой собственного достоинства во имя обретения надежного покровителя. Я думаю, такая стратегия — изначально проигрышная. Почему? Да потому, что от истерика, от садиста, от мамсика — вот основной контингент мужиков, западающих на терпеливую бабу — никакой защиты не добьешься. Он будет отъедать от партнерши по куску, дополняя свою собственную личность — весьма и весьма неполноценную. И никогда свою жертву не отпустит, потому что жизни боится так же, как мазохист. Не зря эти комплексы вечно ходят парой. Ну, и каков эффект от принесенной жертвы? Твоя самооценка все понижается и понижается, дезориентированность растет, ты уже ни в чем и ни в ком не уверена, а твой мужчинка еще масла в огонь подливает: все, мол, потому, что ты дура неученая. Я уж тебя учу-учу — и кулаком, и поленом, и словом ненормативным вразумляю, а ты еще больше поглупела. Не, пора, пора нам вводить эсэс — семейный семинар. Будешь совершенствоваться до победного конца. Причем твоего. Готовься, человек дождя. Мы тебя вылечим. Или похороним.

Естественно, увидев подобную перспективу, тетки бы в ужасе разбегались от этих «жирных лошадей» типа Малахова. Хотя... не все. Те, кому Шура покажется «престижным приобретением», останутся и продолжают «предвыборную» конкурентную борьбу. Чтобы вышедшая в финал избранница могла бы себя показать: вот, метелки, вы не смогли, а я смогла! Соревнование «Отхвати первого парня на деревне» — игра, которую некоторые так и не повзрослевшие тетеньки-подростки ведут с детства. Только в юные годы «клевый парниша», действительно, мог здорово поднять подружке самооценку. Тем более, что с самооценкой в эти самые «годы чудесные» ужас что творится, темный ужас.

Когда я себя не любила

Я это время помню очень живо. Жуткие воспоминания о счастливом детстве либо моментально прячутся по темным углам, словно тараканы, либо так и лезут, так и лезут — опять-таки напоминая тараканов. Тараканов в голове... Теперь вышеупомянутое состояние сознания, кажись, наступило у Майки. Все признаки налицо: ведет себя точь-в-точь, как я в ее годы — то вертится перед зеркалом по полдня, то боится на себя взглянуть — пулей пробегаешь мимо, только что не зажмуривается и подол на башку не натягивает. А на днях я вынуждена была проявить себя как героическая защитница младшего поколения: отвесила здоровущую плюху Майкиной приятельнице. Похоже, у девчонок вышла разборка на лестничной площадке, обильно сдобренная необоснованными утверждениями, неполиткорректными высказываниями и ненормативной лексикой. Услыхав, что Маечкина оппонентка орет со всей дури, словно депутат Госдумы: «Ты, дебилка прыщавая!», я, сама не помню как, оказалась в коридоре и — блямс!!! Девчонка присела и закрылась ручонками. Я еще поработала ветряной мельницей, совмещенной с громкоговорителем, и только потом разглядела, на кого наезжаю — такая же малявка, с кожей, усыпанной дефектами. Я сразу остыла, даже слегка устыдилась и увела остолбеневшую сеструху в дом. И понеслось!

Вообще-то, моя подзащитная и раньше устраивала, как папуля выражается, «рыданчества» на тему: «Да-а-а, Лялечка! Тебе-то повезло! Ты у нас красивая! У тебя нос мамин, а глаза папины! А у меня нос папин, а глаза мамины, что дает совершенно не тот эффект! Счастливая! Все лучшее себе взяла, а мне — что оста-а-а-ало-о-о-ось!» Я, конечно, сперва посмеивалась, потом вскипала, а завершалось все взаимными воплями на тему «Сама дура». Вот и сейчас: Маечка постояла-постояла, красными щеками посветила — и взорвалась, словно первомайский салют. Вначале погромычала «нехорошими словами» в адрес той засранки, потом замолчала. Молчание было затяжным, тягостным и чреватым. Я поняла, что меня ждет и приготовилась к испытанию. Через час Майку развезло, будто осеннюю дорогу. Сестрица заползла в комнату, словно побитый жизнью ужик и засипела: «Ляль, она ведь правду говорила, да? Я прыщавая, да? Ну скажи, чего молчишь!» Ну что тут скажешь? Да, есть у Майки угревая сыпь — на мой взгляд, вполне терпимая. Но я-то знаю: подобная вещь кажется незначительной, только если у тебя ничего такого не случается. А у меня ведь тоже было.

Ох, до чего же противная штука — подростковые проблемы с внешностью! Я, например, без конца мучила мамин тюбик тонального крема и пудру — боже, сколько дорогой косметики без толку извела! Спасибо, мамуля не брюзжала, относилась с пониманием. Все годы, что длилось мое неадекватное восприятие и болезненное реагирование. Наверное, когда все прекратилось, родители вздохнули с облегчением. И вот — снова здорово. И сразу всплыли воспоминания... Причем не одни, а в компании. У меня подружка косметологией плотно занимается. А я, как вы уже догадались, — психологией. Так что воспоминания пришли вкуче с полезной, хоть и несколько запоздалой информацией. Я преодолела желание удушить комплексующую сеструху и попыталась разобраться в ситуации без рукоприкладства. Одним только умственным усилием.

Дисморфофобия. Вот как это называется. Дисморфофобия. Психологическая немочь, коей страдают дети и кинозвезды. Маечка, я так думаю, относится ко второй категории. Вообще, большинство девчонок лет с 12–13 ощущают невыносимый страх, переходящий в уверенность: у меня уродливая длинноносая физиономия; вместо груди мешок с картошкой или то, что полагается мазать зеленкой; не ноги, а телеграфные столбы, причем столбы кривые; и кожа, кожа, кожа! Просто личное стихийное бедствие. Ни предугадать, ни спастись, остается одно — терпеть. Как раз то, чего организм тинейджера не имеет — терпеж и удерж.⁹ В этом состоянии в психике малолетки доминирует Снифф — маленький зверек, который всего боится, вечно пребывает в состоянии столбняка или мечется в панике.

⁹ Корректорам: просьба это выражение не менять.

Снифф не уверен ни в себе, ни в окружающем мире, и нет в мире вещи, которая избавила бы Сниффа от всяких треволнений. И убедить его в том, что он, хоть и маленький, но сильный, надежный и весьма, весьма привлекательный — тоже задача практически неразрешимая.

Психологи вычислили: треть девочек мечтает о пластической операции — да к тому же действительно мечтает — деньги ищут, в интернете рыщут, книжки читают про пластическую хирургию! А еще треть на диеты садится, причем для похудения выбирает самые травмоопасные методы, граничащие с анорексией. В принципе каждая женщина, не исключая дамочек весьма преклонного возраста, трепетно хранят в себе уже упомянутую фрекен Снорк. Правда, иногда она бывает больше похожа на фрекен Бок. Те способы, которыми женщина стремится себя продемонстрировать, зависит от ее системы ценностей. Одни ищут, о чем бы «поведать миру», другим — было бы что миру показать. Второй вариант осеняет своим крылом главным образом миловидных дам и девиц. Страшенские предпочитают брать интеллектом. Именно неуверенность в собственных силах — в своем уме, в своей привлекательности — толкает наш пол на всякого рода «повседневный героизм» типа косметических процедур вплоть до пластических операций (а в другом случае — обделенные внешними данными штудируют Большую Британскую энциклопедию, равно как и все прочие энциклопедии, монографии, хрестоматии...). В общем, в жизни всегда есть место подвигу. Особенно, если не хватает ума держатся подальше от этого места.

Весь этот кошмар демонстративности проходит — если проходит — годам к 23–25. И лечится исключительно мужским вниманием. Дозировка не ограничена. Вот уж на самом деле, «лекарство страшнее болезни». Хотя действенное. Еще Джина Лоллобриджида отмечала: «Любовь — лучшая косметика». Ага. И лучшая метода для создания психологической зависимости или для получения психологической травмы. Тем более что мальчишки-однолетки все такие отморозки! А из дяденек постарше, всегда готовых, гм, проявить внимание к Лолиткам в стадии созревания, в нашей стране можно составить контингент зоны строгого режима — и не одной, а нескольких... десятков. Но, несмотря на многочисленность, такие кавалеры не важны и не нужны. Потому что супер-хахаль, способный вылечить растущий организм от дисморфофобии — товар другого рода.

Он не мешковатый пацан с соседней парты и, уж конечно, не лысый папик с умильным взором — это принц. Желательно невероятный, нездешний, неземной — принц, но не Датский и не, прости господи, Монакский, а киношно-литературный. Ох уж эти идеалы, созданные смертным искусством под влиянием коммерческих вливаний! На их фоне даже вполне приличные ребята выглядят уродами преестественными. Как говорил Берти Вустер миляге Дживсу примерно столетие назад: «Знаете, бывают этакие красавцы с печальным, неизъяснимым взором, с тонкими, выразительными пальцами и в сапогах для верховой езды».¹⁰ Непременные условия: элегантность, сдобренная хорошей порцией неизъяснимости с невыразимостью, а также краса немеряная плюс талант неистошимый. И если подобное чудо в сапогах спускается с небес (вариант: выпадает из седла) и обращает внимание на твою сестру — у девочки проходит подростковое недовольство собственной внешностью! «Маэстро! Урежьте марш!!!», как скомандовал дирижеру варьете Бегемот, и последовал «ни на что не похожий по развязности своей марш» с «мало понятными, полуслепыми, но разудалыми словами»:

«Его превосходительство
Любил домашних птиц
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц!!!»¹¹

Причем не он один. Привлекательная внешность привлекала не только всяких там превосходительств, орнитологов-надомников, но и куда более презентабельных ухажеров.

¹⁰ Цитата взята из рассказа П. Вудхауза «Дживс и старая школьная подруга». По телевидению несколько раз прошел «Дживс и Вустер» — великолепный английский сериал по Пэлему Вудхаузу.

¹¹ М. Булгаков «Мастер и Маргарита».

Я-то в Майкины годы мечтала про всех красавцев, коих доводилось узреть. Главным образом на широком экране. Если составить список моих «умозрительных», ежедневника не хватит. От Фанфана-Тюльпана до Руперта Эверетта — даром, что душка-актер гей безальтернативный. Меня, собственно, и не интересовали вкусы воображаемого предмета страсти в реальном измерении. Главное, чтоб был недостижимо крут и неподражаемо роскошен. Я представляла себе та-а-акие картины! Нет, на сексуальные фантазии я, признаться, не расщедрилась. Скорее уж на социальные (или исторические): я и Фанфаны всех мастей на выпускном, я и они захожу к Людке, Катьке, Марке (к Людовику, к Норфолку, к герцогине Мальборо) в гости, я с ними на пикнике, на гулянье, на дискотеке (на коронации, на вручении Нобелевской, на поле Ватерлоо)... Этакое сокровище одним фактом своего присутствия должно было реабилитировать все мои фиаско, все недостатки, все проблемы. Не только дефекты кожи, но и навороты сознания в период созревания.

Вот, пожалуйста, самый что ни на есть симптом такого наворота: если никакой предмет тайного обожания всех знакомых девиц, классный парниша, в действительной жизни на тебя не западает, его надо придумать! С появлением компьютерной техники все упростилось: берешь фотку из интернета, обрабатываешь фотошопом до неземного совершенства, печатаешь на принтере, подписываешь левой рукой «Воплощенному блаженству трепещущей души моей — дарю навек вместе с неизбывной страстью. Твой котик» — и готово. Считаю, что ты замужем — до первого истинного чувства. Можно врать и врать: уехал, мол, в Сорбонну, у тамошних профессоров уму-разуму учиться. Если выживет — вернется. И честным пирком да за свадебку! Главное — наворотить сорок бочек арестантов и не сбиться ни разу. Подруженьки, гадюки, тебя, разумеется, всю экзаменуют, а ты, словно на допросе, отпираешься и отрицаешь: да, не познакомила — вас только познакомь! Вы бы на него всем курятником надели! Да, не рассказывала — была охота перед вами исповедоваться! Да, родители не в курсе — я уже взрослая особа, отчитываться не стану!

Зачем он, спрашивается, нужен, геморрой с мнимыми хахалями? Да ведь мы, представительницы слабого (на всю голову) пола издревле хахалями соревнуемся. Качественный гардероб, качественный экстерьер, качественный интерьер и качественный амант — а лучше муж — это и есть полный-преполный набор уважающей себя, благополучной по всем статьям бабы-дуры. Заменяет все, что хочешь: индивидуальность, карьеру, счастье в труде и успехи в личной жизни. Чудная вещичка — самооценки повышения для и сохранения видимости успешности ради. И взрослые-то бабы на эту примочку попадают — а уж малышня наивная и подавно!

Беда еще и в том, что у Майки богатое воображение (кажется, это свойство наследственное), а оно подростка только в еще большую мнительность приводит. Возникает и укрепляется уверенность, что все твои достоинства лежат во внешних обстоятельствах. В романах с отпадными мужчинками, в частности. К тому же в ее возрасте «на ура» идет всякое слюнявое чтиво с участием невыразимо длиннопалых любителей сапог для верховой езды с псевдоэротическими экскурсами типа «Он длинно и страстно обнял ее всю». Тьфу! А в результате в башке у юной библиоманки все смещается. Или вовсе отлетает в тридцать третье измерение. Она, с одной стороны, не чувствует себя достойной и обыкновенного «парня из нашего города», а с другой — меньше чем на принца с проникновенным взглядом и пышной шапкой кудрей не согласна. Складывается абсолютно безвыходная ситуация: требования кинематографической сверхкрасоты довлеют и над потенциальным избранником, и над нею, мечтательной бедняжкой на грани нервного расстройства. Внешность становится какой-то красной кнопкой из фильма про Джеймса Бонда: все зависит от нее, а потому она — главная и единственная цель, средство, метод и перспектива.

А в результате? Тотальная непримиримость, крепко замешанная на неуверенности в себе. Никакого снисхождения к обычным человеческим слабостям, никакого предварительного общения для взаимного узнавания, никакого психологического долгостроя и многомесячной тягомотины типа налаживания отношений. Сплошное ожидание чуда: чуда незабываемой встречи, чуда любви с первого взгляда, чуда миглом возникшего эффекта

слияния душ. Максимум, на что способны девчонки, ждущие чуда — это на подготовку «благоприятных условий для встречи со своей половинкой». И практически вся подготовка лежит в сфере современной косметологии — вывести прыщи, исправить фигуру (форму ног, носа, ушей), покрасить волосы в золотистый цвет, а глаза — в желтый. Или в фиолетовый. Аэлиты несчастные.

Что, вообще, может предложить ученица какого-нибудь десятого «А» неземному придурку, у которого три имени вместо одного, куча хобби, связанных с лошадьми и яхтами, а вместо прошлого — сплошные разочарования в женской неверности (несмотря на все его достоинства, этого принца постоянно бросали гордые, подлые и страстные любовницы — и хотя одно это должно было послужить поводом к размышлению для бедной дурочки, но увы!)? Ответ напрашивается сразу: свою непреходящую верность, свою необозримую чистоту и круглосуточную свежесть, но главное — еще один пример красоты выдающейся. Как писал один американский журналист по имени Генри Луис Менкен: «Любовь — это торжество воображения над интеллектом». Хорошо сказано! И вот, подстрекаемая шулерскими приемами воображения, дурнушка готовится к участи всех Золушек: ко встрече с имиджмейкером, желателем, обладателем волшебной палочки. Ну, пусть он будет не совсем волшебник, а всего-навсего хороший мальчик, который сочиняет плохие стихи, но которому дружба помогает делать настоящие чудеса! Лишь бы сработал как надо: преобразил, усовершенствовал, обул и к принцу на бал отвез.

А пока вся эта лабуда в перспективе, соплячке ничто не мило: ни отражение в зеркале, ни окружение в реальности, ни радости в повседневности. Черно-белое кино про сталеваров, а не жизнь. На что наша Синдерелла ни взглянет — кругом серость и мерзость. Бедная моя сестрица! Но в одном ей повезло — у нее такая грамотная родня! Мы, по крайней мере, не позволяем себе благоглупостей вроде: «Ничего, деточка, прыщики и полнота пройдут, как только начнешь жить половой жизнью». Если нашему папушке ненароком сообщить, что Майка задумала зажить половой жизнью согласно медицинскому заключению, он всему медперсоналу в городе бошки поотрывает! И правильно сделает. Обычно врачи и родичи именно такими фразами загоняют подрастающее поколение в угол безысходности. Дескать, ты, любимое чадо, соглашайся на какого попало партнера, пока ты еще «некондишен малолетний» — поживешь с первым, кто и на прыщавую толстушку западет, подлечишься, а там и принц подвалит. Лет через — надцать. От подобной участи и заболеть недолго. Ну никакой деликатности в отношении подрастающего поколения! И дальновидности тоже никакой.

Удивительно, до чего люди забывчивы! И вдобавок плохо образованы. Кажется, они или телик не смотрят, или не видят, что там показывают — всякие там бибиси, дискавери и прочие образовательные программы на тему дикой природы. Там все очень доступно разъяснено. Ведь не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: человек в детстве (а кое-кто — вплоть до самой старости) ориентируется на инстинктивное поведение. Ну, не отличается он от представителей дикой природы. Нечем ему отличаться — интеллектуальных кладезей покуда не накопил. И, грубо говоря, молоденькая самочка выбирает самца по роскошному оперенью, развесистым рогам и трудному гласу. Человеческие детеныши юного возраста поступают в том же духе. Девушка лишь когда подрастет, тогда и допетрит: рога, перья, песни и танцы есть примитивные примочки и приманки. Под ними ни натуры, ни мозгов, ни хрена. Может, допетрит, а может, и нет. Не всем дано.

В любом случае, предлагать малышне, вступающей на скользкий путь полового размножения, удовольствоваться чем бог послал — самое последнее дело. Воплощенный идиотизм. Впрочем, чего и ждать от взрослых с их снисходительным склерозом. Ну не помнят они собственных подростковых амбиций! И оттого в массе своей полагают, что детские фобии и комплексы вполне излечимы добрыми увещеваниями в духе: «Подожди, походи страшилкой, потрахайся с отморожками-однолетками, а еще лучше — похорони мечты о собственном принце и о собственном преобразении знаешь где?» Психологи, маму

их в Закопане.

Нет, пока в женской натуре бушует кокетка фрекен Снорк, успокаивать ее нотациями или предлагать альтернативные варианты: подумай об учебе, о поступлении в институт, пойди на курсы вязания — это тебя отвлечет, а там, глядишь, и угревая сыпь сойдет на нет. Маразм. Лично у меня все подобные предложения вызывали — да и сейчас вызывают — глубокое отвращение. Хочется, соответственно, отправить чирикающую идиотку на курсы кулинарии, домоводства, кройки и шитья — авось таким образом она избавится от целлюлита, от кариеса, от седины, от морщин и от мочекаменной болезни. Ах, не-е-ет? Тогда какого черта вместо того, чтобы лечить подростковые проблемы с кожей, эти тетки норовят сделать вид, что нет никаких проблем, переждать норовят, запустить болячку? Сейчас, главное, поставить диагноз, да подобрать диету и режим. А лет через десять придется лечить все подряд — кожу, психику, несчастливую личную жизнь и загаженную карму.

Я, конечно, не очень-то нуждаюсь ни в чужом мнении, ни в дурацких советах, а вот Майка... Как и все девчонки ее возраста, она ищет свое отражение в глазах окружающих. Сама себя она пока оценить не может, да и трудно оценить все, что растет и поминутно меняется. Сама Кассандра сейчас не напророчит, какое будущее ждет сегодняшних тинейджеров. Старые системы, устои, стандарты если не рухнули, то изрядно поизносились. Похоже, крошке сыну пора опять подваливать к папаше с вопросом «Что такое «хорошо» и что такое «плохо»?» Какие качества сегодня «в цене», какие образцы в ходу, какие социальные нормы в фаворе — и непонятно, и тем более трудно прогнозировать. Мы живем по инерции, используя старые правила — это касается вообще всех лиц, обремененных высшим образованием, но не обремененных опытом работы. Конечно, квартет «аттестат-абитура-диплом-аспирантура» греет душу молодежи. Но даже молодежь понимает: жизнь начнется за пределами этих рамок. То есть этих бумажек, вставленных в рамочки. Работа, карьера, семья — все лежит за пределами дипломов-аттестатов. И тем более красота, здоровье, успехи в личной жизни и счастье в труде. Так что своеобразные благоглупости на тему «трудись — и да обломится тебе» будем пресекать. Сейчас у Майки формируется самооценка. Если ее убедить, что на внешность лучше плюнуть и всю себя посвятить интеллектуальной деятельности, через двадцать лет мы получим старую деву с запретом на секс, с недописанной диссертацией, с нереализованными амбициями и с тайной — или не слишком тайной — обидой на несовершенство мироздания.

Все. Будем действовать нетрадиционными методами. Шаг первый: созваниваемся с косметологически-образованной Мулькой, у которой маманя работает в соответствующем заведении. Шаг второй: уговариваемся с хорошим, умелым специалистом, не имеющим дурной привычки к утешительному словоблудию на тему спонтанной стабилизации половых гормонов. Шаг третий: берем мою сопливую дуреху Маюху под мышку и везем к специалисту. Шаг четвертый: выясняем причину гормонального дисбаланса. Наверняка сестрица ест не то, моется не тем, поры не чистит, а за ушами у нее можно картошку разводить. Плюс витамины, бифидобактерии, скраб, очиститель, увлажнитель и все, чем некогда пользовали меня. Время пришло. Не дай сестре засохнуть!

Вдобавок все сладкое, жирное и острое достанется мне! А Майке-обжорке — дулю! Пускай морковку лопают и верит в светлое будущее. Господи, какая я добрая и великодушная! Просто Деларю какая-то! В смысле, какой-то.

«Лавры Деларю» — цель или средство?

Помните бедолагу Деларю, которому «вонзил кинжал убийца нечестивый в грудь»? А в ответ раненый только «шляпу снял, сказав ему учтиво: «Благодарю!»¹² А название? «Великодушные смягчают сердца!» Автор-то посмеялся вдоволь над благовоспитанным дурачком, а каково-то нашему, пылкому, хоть и недалекому, читателю? Особенно такому,

12 Стихотворение А.К.Толстого «Великодушные смягчают сердца».

который юмор понимает, только если на титульном листе аршинными буквами напечатано «Сборник пародий». Маленький логотип в уголочке «Юмор в русской классике» он уже не воспримет. Вот почему некоторые всерьез собираются отдать свою жизнь и честь ни в чем не повинной Дуни, которую злодей того-с на антресолях — а для чего, спрашивается? Дабы смягчить это твердокаменное сердце?

Не думаю, что это можно сделать посредством великодушия. Оно скорее, дает зеленый свет всем навязчивым, имеющим наглость и склонным к бесцеремонности — извольте, вот вам прямая дорога в святая святых чужой жизни. Идите и никуда не сворачивайте! Мало кто отказывается от подобного приглашения. А в результате мы нередко оказываемся заложниками собственной вежливости, благожелательности или стеснительности. Мы утешаем себя слабыми аргументами в пользу хороших манер, деликатности, доброжелательности: вот, дескать, какие мы благородные — действуем наперекор собственным интересам. Теперь можно уважать себя за непротивление злу насилем. Всепрощение, воздержание и многотерпение — удел истинного интеллигента! Но почему-то наши «благие деяния» не только не доставляют нам глубокого — равно как и неглубокого — морального удовлетворения, а наоборот — дают четкую уверенность в том, что выглядишь ты полной дурой. И почему-то снисхождение лишь тогда доставляет удовольствие, когда проявляешь его по отношению к тем, кого любишь. Например, я относительно легко сношу Майкины придури, некоторые закидоны родителей, глупости своих подруг (до известного предела), но считать, что я всем обязана — это выше моих сил.

Естественно, всяческие уступки из вежливости, оказанные против воли, выводят меня из себя и вызывают ощущение, что мною попользовались. И я уверена, что это ощущение — далеко не безосновательное. Люди, которые произошли не от высших приматов, а от примитивных паразитов, часто выдают свои «биологические корни» уже во время первого знакомства. Не успеешь с таким двух слов сказать — глядь, он уже к тебе с «маленькой просьбой» — из тех, которые, как писал Оскар Уайльд, «всегда так трудно исполнять».¹³ Этих я называю «накожными паразитами» — их, как клещей, блох, вшей, комаров и слепней, обнаружить нетрудно. И избавиться от них нетрудно — надо только знать, что они тебе ну совершенно не нужны. Даже как средство для проведения досуга в процессе дружеского гроуминга (это такое умиленное взаимное вычесывание паразитов и колтунов из шерсти, которому с незапамятных времен предавались наши предки — а современные обезьяны занимаются этим по сей день и не без удовольствия) в компании с таким же, как ты, вшивым интеллигентом.

Есть и «внутренние паразиты» — типа глистов или вирусов всяких. Вот их обнаружить потруднее. Вроде никто не бегают по твоему телу, весело топоча сотней малюсеньких лапок, не делает по утрам гимнастику у тебя на животе и не раскидывается отдохнуть после обеда в подмышечных впадинах — а все равно самоощущение отвратное. Вечно ты киснешь, болеешь, ноешь; твои кожа, волосы, ногти, зубы, настроение и трудоспособность ниже всякой критики; мир вокруг невозможно плох и с каждым днем все хуже. Тут уж приходится проходить дли-и-и-инное обследование, ни свет ни заря бегать в соответствующие заведения с неаппетитного вида плотно завинченными баночками, лежать на холодных кушетках, застеленных мятым целлофаном, выслушивать многозначительное мычание разных специалистов. Наконец, если повезет, тебе говорят несколько непонятных слов по-латыни, выписывают пару неразборчивых рецептов на той же латыни, советуют ни под каким видом не есть всего, что ты любишь и не расчесывать там, где чешется. Аминь. Теперь несколько месяцев ты обречена питаться вареными в семи водах овощами, глотать противные такие таблеточки, мазаться гадкими такими мазилками и терпеть, терпеть, терпеть.

С вирусами человеческой породы ситуация та же: понижение самоощущения, после чего удивление, раздражение, конец всяческому терпению; обследование, диагноз, выяснение отношений; неприятные последствия, негативные эмоции, длительная ремиссия

13 Из пьесы О.Уайльда «Идеальный муж».

— то есть долечивание. И на всю жизнь — строгий режим и недоверие ко всяческим тесным контактам — не дай бог опять заразишься! Вот во что обходятся человеку «сомнительные контакты» — в том числе и несексуальные.

Конечно, за нежелание простирать объятия навстречу¹⁴ каждому поперечному меня часто упрекают в высокомерии и заносчивости, но я утешаю себя тем, что первой вышеописанную борьбу на уничтожение с любого рода паразитами я никогда не начинаю. Я избегаю, но не нападаю. Для агрессивных проявлений меня надо как следует достать. Вот и сейчас я начинаю медленно, но верно свирепеть. А все из-за Маньки Папановой с нашего курса. Очень уж она любит выделываться. Я, собственно, не против, когда наблюдаю ее выпендрож со стороны в достаточном удалении. Даже забавно. Но терпеть эту муть на своей собственной шкуре не желаю, не хочу. Я никогда не имела желания радостно подыгрывать самодеятельному театру, к которому склонно большинство людей заурядных: да, да, браво, просим на бис! Дорогая захолустная актриса Марыськина, повторите еще разок вашу истерику, потрясно описанную не то Чеховым, не то Аверченко! Не. Надоели Марыськины. Слишком уж расплодились. И потому-то их назойливость по отношению к оскудевшим «зрительским массам» становится все более невыносимой. Вернее, паразитарной. Но расскажу все по порядку.

Маня Папанова — типичный представитель породы паразитов, мечтающих обрести «своего зрителя». Фрекен Снорк, но уже в стадии перехода в Морру. Вообще, насчет этой фрекен не все так ясно, как кажется. Будет она всеобщей любимицей, милашкой-обаяшкой, или превратится в тошнотворную прилипалу, чье приближение заставляет всех разбежаться очертя голову — это, как ни странно, не от фрекен Снорк зависит. Это зависит от ее «психологического напарника». Если напарником будет Снорк — барышня будет жуткой перфекционисткой, если Муми-тролль — авантюристкой и разгильдяйкой, если Малышка Мю — эпатажной рокершей-байкершей. И уж совершенно нельзя предугадать, что получится из тандема «фрекен Снорк-Снусмумрик». Этим двоим вообще вместе быть противопоказано. Во избежание раздвоения личности. Так вот, Папанова принадлежит к фрекен Снорк, чей имидж замешан на хамоватой манере поведения Мю. Я, честно говоря, и сама в некотором роде Мю, но мне изрядно повезло: в моей психике гораздо скромнее содержание фрекен Снорк — я не горю желанием демонстрировать обществу каждый свой шаг. Только то, что тщательно отобрано, отретушировано, сложено в продуманный имидж и не мешает жить ни мне, ни другим. Потому что необдуманные поступки разрушают нашу жизнь и могут наставить пятен на нашем светлом образе.

А вот Папанова не дает себе ни малейшего труда обдумать, как она смотрится, какую реакцию вызывает. Ее, похоже, вовсе не занимает вопрос, насколько выбранные ею средства соответствуют желанной цели. Да и цель у нее, мягко говоря, неоригинальная... Манька хочет выглядеть жутко крутой. Ее заветная мечта: иметь много бабок и вращаться в высшем обществе. Ей бы хотелось разъезжать на мерсе, оттягиваться с бойфрендом в «Мосте» или «Шамбале», ездить за тряпками в Европу, а отдыхать в Монте-Карло или на Багамах. Нехитро, но и неподсудно. Но для осуществления заветной мечты у Маньки нет ни средств, ни возможностей. С бабками у нее совсем не густо. Работать, честно говоря, не любит и не умеет. Подцепить себе денежного папика хочет, но не может. И в своих девичьих желаниях никогда себе не сознается. Непрестижно это, по ее мнению. А потому Маня, как все отважные героини, идет в обход и косит под недюжинный интеллект. Ее кредо — ставка на умеренную альтернативу. То есть быть причастной к какой-нибудь группке или тусовке, или выдавать себя за таковую, присваивать из обихода тусовки кое-какие атрибуты и махать ими перед носами наивных сокурсников.

Когда Маня только поступила в университет, она вся была в «русском зарубежье» — в том, которое преимущественно зарыто на Сен-Женевьев де Буа. Это, надо понимать, было фишкой во французской школе, где училась юная Папанова. Маня носила на пузе наперсный

14 Корректорам: это не опечатка, а шутка. Оставьте.

крест невероятных размеров «с гимнастом»,¹⁵ входя в аудиторию, крестила в ней углы и уверяла, что Ахматова поступала точно так же. А еще разговаривала по-французски с представителями русского народа, встречавшимися на ее пути: вахтерами, милиционерами, дворниками и продавщицами в магазинах. Я про себя называла этих людей «без вины виноватые». Потом Маня просекла, что народные массы относятся к избранному ею имиджу весьма прохладно, и решила «сменить веру», переключившись на рок-тусовку.

В московский рок-бомонд она не просочилась. Зато смоталась в Питер и, как уверяла, закорешилась с тамошними апологетами рок-движения. Маня дополнила свой крест кольцом на пупке и кожаной косухой. А еще около университета ее стали поджидать бородатые дядьки потасканного вида. Папанова объясняла, что это критики, музыканты и композиторы. И все влиятельные люди в рок-тусовке. Девчонки с курса в восторге закатывали глаза, а я вяло делала вид, что верю. За что и поплатилась. И надо же было именно мне так нарваться!

Как-то «во субботу в день ненастный», закупив горячительного для грядущего похода в гости и пребывая в самом веселом расположении духа, мы с отцом нарвались на Маньку с каким-то ее очередным волосатиком.

О-о, привет, — с ходу начала Маня, — вы уже с горячим? Это — Угол. Культовая фигура! — она кивнула на своего патлатого кавалера, курного оплывшего мужика невнятного возраста с брыльками, поросшими жидким рыжим волосом, — А твоего как звать?

Лев Михалыч его звать, родитель мой! — ответила я.

Здравствуй, Стасик, — услышала я над собой отцовский голос.

Угол покраснел и произнес сдавленным голосом:

Привет, Лева.

Мы со Стасом вместе в музыкальной школе учились, — пояснил отец, — Маме, Вере Андреевне, привет передавай. Рад был повидаться...

И ты своим кланяйся, — кисло улыбнулся Угол.

Маня стояла с лицом, перекошенным от злости. Таких вещей очевидцам не прощают. Мы разошлись. Молча.

Я подняла глаза на отца. Лицо у него было зеленое, уши — красные, а вид — несчастный. Было видно: он стыдился себя, своей обеспеченной буржуазной жизни, своего respectable вида, жены, которая в это время сидела в приличной парикмахерской, меня, благополучной красотищи-дочери, и отсутствующей Майки, которая в данный момент отрывалась в своей тусовке с такими же как она, беззаботными балбесами. Словом, вел себя как и подобает интеллигенту: лелеял вселенский комплекс вины. Однако минуты через три начала доминировать национальная нота:

Боже мой, боже мой! — запричитал родитель.

А что, собственно, случилось? — ехидно поинтересовалась я.

Ну, — неловко замялся отец, — мы со Стасом учились вместе, ты слышала. Он успехи делал. В консерваторию собирался поступать. Мама у него — милейшая женщина. А я еще года три назад по телеку его увидел. Он в какой-то рок-группе ветеранов с гитарой в обнимку прыгал. Чучело чучелом. Я еще подумал, что обознался, наверное. Стасик — не Стасик... А теперь вижу — нет. Ой-ой-ой...

Послушай, а что тебе мешает бросить работу и семью, зарости курчавым волосом, обозваться эдак продвинуто — Эллипсом, и пойти тусоваться вместе с ним и с Манькой? Да и потом, разве может он, рокер, завидовать твоей убогой жизни? Ты оброс, словно кит-полосатик ракушками, женой, детьми и бытом. А он в свободном полете отрывается с младыми девами и дешевым спиртным. Романтика!

Отец грустно усмехался. А я, хоть и стеблась над ним, но тоже чувствовала себя

¹⁵ Анекдот с изрядной бородой — о новом русском, пожелавшем иметь «такую же фишку, но без гимнаста». Надеюсь, верующие читатели не решат, что этот анекдот придуман авторами книги. Как говорится, «неча на отражение кивать, коли культура крива».

неловко. словно в замочную скважину подглядела какие-то интимные сцены. И ведь даже не по своей воле.

Почему нормальные люди всегда чувствуют себя неловко перед неудачниками? Почему им кажется, что их благополучие — кусок, вырванный изо рта несчастной сиротки? Им неловко напрямую предлагать свою помощь и покровительство, но так же неловко в оных отказать, если у несчастной сиротки открывается недюжинная (Да что там! Просто мертвая!) хватка. А результат — испорченное настроение, без аппетита выпитые напитки и нечувствительно поглощенные яства. Большая часть наслаждений от похода в гости к приятным нам людям погибла безвозвратно. Благо, во второй половине визита мистер Здравый Смысл взял верх над мисс Воплощенное Прекраснодушие и положил ту на обе лопатки, пARDон за двусмысленность. Я пришла к выводу, что нет худа без добра: по крайней мере, впредь Папанова не будет втягивать меня в свои аляповатые «спектакли из жизни светской львицы» в качестве аудитории, затаившей дыхание и трепещущей от восторга одновременно.

Так и вышло. Манька теперь обходит меня за три версты. Зато прилепилась, как банный лист к филею, к моей подруге Лерке с филфака. Лерка не любит делать резких движений и ко всему на свете относится философски. Снусмумрик и Снусмумрик. Маньку она не поощряет, но и не гонит. Старается тихонько обходить. Впрочем, у Маньки с подругами всегда напряженка, ее долго никто выносить не может. Есть люди, которые неизбежно превращают положение дел в неприличный анекдот. Вот поэтому-то у Маньки выработалась «внутренне-паразитарная» манера поведения: она не прилипает к коже и не цепляется за корни волос, а проникает непосредственно в мозг и там уже обосновывается со всем возможным удобством. Так что слабые, вялые, с пониженным иммунитетом сдаются и подчиняются ее воле. Философская манера поведения — довольно бесконфликтная. Не предполагает ни активного противодействия, ни неистового сопротивления, ни партизанской войны — ничего. Одно наблюдение вкупе с легким волнением: что-то будет! Естественно, в таких условиях разные Папановы процветают. Доказательств угодно? Вот, пожалуйста!

Сегодня четверг. У нас с Леркой по четвергам занятия оканчиваются в одно и то же время, и мы идем во французскую кондитерскую. Это ритуал. В кафе мы с удовольствием сплетничаем, и, надо признаться, под эклеры и наполеоны хорошо идет! Но теперь с некоторых пор за нами увязывается Маня и своим присутствием отравляет нам общение. Берет эспрессо без сахара и зыркает: на меня — неодобрительно, на Лерку — преданно. И ведь послать эту бездарную, скучную дуру куда подальше — язык не поворачивается. Сегодня мы предприняли обходной маневр, но и это не помогло. Как только мы с Леркой радостные и оживленные после удачного побега, словно парочка Монте-Кристо, грудью рассекающих волну, вступили на знакомую тропу к кондитерской — тут же и нарвались на Маньку. Она нас уже поджидала, сволочь, да еще с та-аким торжествующим видом! Сил не было терпеть ее мерзко ухмыляющуюся рожу. Но мы стерпели.

Итак, мы с Леркой оборвали свой треп и под Манькиным конвоем пошли в кафе. Возникла неловкая затяжная пауза. Чтобы как-то разрядить тягостную атмосферу, я спросила у Мани: «Ну, как там твой Форелин?» Эту фамилию видного представителя семейства лососевых носил бывший Манькин однокашник, поступивший в МГИМО. Внешность у него была невзрачная, но хлопец он был, как говорят на Украине, впертый. Учился, как зверь, и поступил своими силами в престижный вуз, одолев немалый конкурс из блатных и платных представителей. Его-то Маня и определила на роль устроителя своего прекрасного будущего и звала своим потенциальным мужем. Однако, судя по всему, бедолага Форелин не был готов к определенной ему участи — ни морально, ни физически. От Мани он уставал так же быстро, как и все остальные. Их с Манькой отношения определялись двухнедельными циклами. Скажем, в понедельник Манька приезжает мириться: воеет, обвиняет, канючит, устраивает сцены, обещает быть паинькой, и Форелин поддается. Во вторник Манька ведет себя тише воды, ниже травы. В среду начинается своеобычное папановское хамство. В четверг Форелин начинает закипать. В пятницу начинаются взаимные разборки. В субботу

происходит скандал. В воскресенье они расстаются. Следующую неделю Манька поносит Форелина везде, где можно и нельзя. А в понедельник приезжает мириться. И снова по кругу.

У меня маячила надежда, что если Маня с Форелиным не в контрах, то она быстро смоется к нему выяснять отношения. Но и тут мне не повезло. На этой неделе Манька твердо стояла на тропе войны и сходить с нее не собиралась. В адрес Форелина посыпалась тяжеловесная матерная брань.

И вообще, — вдруг прибавила Маня, — хватит уже про него, уroda. Я на этой неделе познакомилась с Ванечкой, потомком дагестанских князей, и мы уезжаем в Америку!

Мы с Леркой с трудом удержались от смеха. Но меня еще и разобрал раж. Черт возьми, если я все это вынуждена терпеть, то неужели я не могу получить ну хотя бы маленькую компенсацию?!

Ой, Мань, — хихикнула я с деланным простодушием, — а как же ты ходишь рядом с таким кривоногим?

С чего ты взяла, что он кривоногий? — возмутилась Манька.

Ну как же! Ты же сама сказала, что он потомок дагестанских князей. А дагестанский князь всю жизнь проводит верхом на коне. А потому по земле передвигается с трудом, на коротких кривых ногах.

У него прямые ноги!! — Манька начала заводиться.

Прямые? Точно прямые?! Ты проверяла?

Да!!! — торжествующе выпалила Манька.

Ну, Мань, я даже и не знаю как тебе это сказать. Тебе надо с этим типом держать ухо востро. Он опытный брачный авантюрист. И дурит тебя просто по-черному. К дагестанским князьям он не имеет никакого отношения. Его прямые ноги тому доказательство. Он женится на тебе, завезет в Америку, обчистит и бросит!

Лерка рядом просто кисла от смеха, а Манька уже завелась по полной программе:

Он потомок дагестанских князей и у него честные намерения!

Значит, он — маленький, заросший волосом, жутко кривоногий! И по Манхеттену его сподручнее всего водить на цепочке!

Мы едем в Калифорнию! — огрызнулась Манька.

Тоже красиво, тоже хорошо. Там много ресторанов для собачек. Очень удобно. И недорого...

У него нормальный рост и прямые ноги! — уже хрипела Манька, покрываясь красными пятнами.

Тогда он тебя обманывает насчет своего благородного происхождения. У него точно корыстные намерения. Доберетесь до Лос-Анжелеса, и он у тебя с пуза крест умыкнет. Вместе с гимнастом. Так что берегись — ну и, само собой, готовься к самому худшему.

Да ты! Да ты! Да ты просто завидуешь мне! Лер, я не понимаю, как ты с ней можешь общаться!

С удовольствием, — пропела ей в ответ Лерка, — зря ты так кипяتيشся, Мань. Ляля дело говорит, и она очень обеспокоена твоим положением. Тебе бы ей «спасибо» сказать, а ты ругаешься...

Спасибо! Я ухожу! — Маня развернулась на сто восемьдесят градусов и быстро зашагала прочь.

Мы с Леркой перевели дух.

Слушай, как же я об этом мечтала! Мне слабо, а ты ее так сделала! — Лерка просто жмурилась от удовольствия и, выдержав паузу, произнесла с чувством, — Жестокий талант!

Мы ринулись в кондитерскую и благоговейно застыли перед витриной с пирожными.

Господи! Хорошо-то как! — не унималась Лерка, — Я съем три пирожных сразу! А ты?

А я парочку для начала!

Мы с Леркой в блаженстве поедали сласти, с удовольствием сплетничали и чувствовали себя просто великолепно. Раскаянье нас так и не посетило! Напротив, мы были

в полном восторге, что отвязались от Маньки. Зачем решать чужие проблемы, когда можно с удовольствием обсудить свои!

Великодушие к паразиту ничуть последнего не облагородит. А вот душу Деларю может только погубить. Тем более, что о благородстве вообще говорить не стоит. Когда мы соглашаемся терпеть таких вот Папановых — мы не изысканность манер блюдем. Просто у нас в душе торжествует Снифф с его боязнью конфликта. Он в силу своей боязливости готов примириться с любым давлением, только бы не выходить на ринг и не становиться в боксерскую стойку. Тем более, что не всегда процесс удаления паразита проходит безболезненно и без серьезных потерь: вскоре начинаются ссоры и разрывы отношений с теми, для кого твой паразит — добрый друг и милейший человек; теряются связи, часто полезные; обстановка накаляется; за твоей спиной начинает гулять сквознячок сплетен; твоя репутация несколько омрачается — она уже не столь безоблачна; эт сетера, эт сетера. Кому-то кажется, что потерпеть ощущения, что кто-то тебя подгрызает — изнутри или снаружи, отравляется тебе жизнь и разрушает твоё здоровье — легче, чем драться за своё благополучие, за душевный и физический комфорт. Кому-то, но не мне. Я думаю, надо отказываться от надоевших связей, какими бы словами тебя не называли. А если твой отказ не воспринят, то и отбиваться. Пусть иногда такое чревато... Но лучше я расскажу все по порядку.

Хотя Манька Папанова и паразит, но не самый трудный для выведения. В смысле, для изведения. Над головами моего семейства висит и не такой Дамоклов меч. Вернее сказать, назревает Армагеддон. Давно назревает — оно и понятно, Армагеддон не чирей.

«Катастрофа это, катастрофа»

У столичных жителей много проблем, и одна из самых-самых ужасающих — друзья детства или дальние родственники, обитающие в истинно русской, благолепной и благодатной глухомани. Даже одиночные. А уж если семьей завалятся... Дог-шоу, доставка на дом. Получите, распишитесь. Но, как в рассказе Тэффи «Страшный ужас»: «В городе есть особая свежесть, которой в деревне ни за какие деньги не достанешь». Сколько же их припрется особой свежести искать? В прошлый раз трое заявилось: мама, папа, дочурка. Надеюсь, на сей раз им не вздумалось прихватить в столицу еще и склеротического дедулю, или прозорливого ручного хорька, дабы нам было чем занять краткие минуты их отсутствия? Нет, я не против животных и провинциалов как таковых. Но если домашнее зверье *бывает* довольно приставучим, то жители медвежьих углов такими не бывают — они такими *рождаются*. Семейство, которое собирается осчастливить нас своим присутствием, как раз типичный случай. Это жутко назойливые личности, которым невозможно дать понять: дескать, вы не вовремя. Хотите «чудный остров навестить»? Так вам и необязательно «у Гвидона погостить»!¹⁶ Вас, собственно, никакой Гвидон и не приглашал. Поселитесь в гостинице или квартиру снимите на те же две-три недели — просторно, красиво, уютно. Хорошо! Всем. И нам в том числе. Мама каждый раз собирается произнести нечто в этом духе, но сникает. Она не в силах вынести кроткого укора в сестринском взоре. Впрочем, я опять забегаю вперед.

Дело в том, что Нелли — мать этого приставучего семейства — моя двоюродная тетка, матушкина кузина. Ее образ, сопровождающий мамулю едва ли не с колыбели — словно вечно унылая бледная Татьяна подле полнокровной горластой Ольги.¹⁷ Нелли действительно напоминает Татьяну — даже сейчас. Те же беспочвенные эротические фантазии и склонность к эпистолярному жанру. Но, как и Ольгу, привычную к Татьяниним заскокам,

¹⁶ А.Пушкин «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди».

¹⁷ Подразумеваются персонажи романа в стихах А.Пушкина «Евгений Онегин».

мамулю пороки кухни не беспокоили. И будто бы в детские годы были моя маман и эта самая Нелли вполне дружелюбными родственницами. Ездили друг к другу: то они к нам — парад смотреть, то мы к ним — комаров кормить. Пардон, кислородом дышать. Потом детство кончилось, мамуля училась, трудилась, женилась, плодилась... А вот Нелли припозднилась, извините за ямб. Кухине Нелли вообще все доставалось в последнюю очередь. Теперь она была, словно другая литературная героиня. В «Иностранке» Сергея Довлатова дочь зажиточных родителей Маруся, сама того не ведая, третирует двоюродную сестру Лору, жалуясь: «Все мужики такие нахальные!», а на холодное замечание Лоры, что ее, например, знакомые ведут себя корректно, отвечая: «Нашла чем хвастать!» Угадайте с трех раз, чья роль кому досталась?

Итак, смурная Нелли непередаваемо страдала: и в институт она поступила, когда мамуля уже перешла на третий курс, и замуж выскочила «с опозданием», и дитем разродилась не так, чтобы скоро. Почему-то в той местности высоко ценились девушки, которые все делали быстро и с первого захода. Никаких тебе дополнительных попыток и штрафных очков. Либо пан (в смысле — пани), либо пропал. Разница в пару-тройку лет признавалась вопиющей. Нелли стала воспринимать не только мамины успехи, но и успехи всех членов нашей семьи, как наглую, кичливую, беспардонную демонстрацию благ и льгот, полученных нетрудовым путем. Словом, пропасть не пропасть, а некая трещина между кухнями зазмеилась. И особенно расширилась с появлением в нашем доме Фени, мужа Нелли и отца ее дочери Тины (я давно подозреваю, что на самом деле девку зовут Скарлатиной — надо как-нибудь найти ее паспорт и списать слова!). Все потому, что этот самый дядя Феня (вообще-то он Федор, но в этой семейке у всех вместо имен клички — даже Нелли на самом деле Анастасия — и видать, фамильная традиция предписывает им строжайшую конспирацию) — образец самой что ни на есть непочтенной старости.

Странно. Отца я стариком не считаю, а Феня, похоже, состарился одномоментно — лет так пятнадцать назад. После свадьбы, согласно воспоминаниям родителей, он некоторое время играл в простого, доброго паренька с рабочей окраины — белокурый чуб, широкая грудная клетка, громкий голос, манера всех хлопать по округлостям и выпуклостям. Со временем белокурость сменилась сединой, грудная клетка сузилась, голос стал каркающим, а чуб вообще куда-то пропал. Из паренька Феня превратился в старичка, в эдакого дедушку-подростка: вечно лезет к девицам с нежелательными нежностями — за что и получает по ушам — и одновременно народы пасет — Лев Николаевич отдыхает. Какую-нибудь темку для рассуждения зацепит — и тянет, тянет, словно святого Эразма препарирует.¹⁸ Все кишки вынет. И если Фене прямым текстом приказывают помолчать — сидит набухший. Но минут пять — не дольше. А болтлив! Как сорока. Если, конечно, существует такой вид — сорока-зануда.

Естественно, авторитет у окружающих при такой манере себя держать не заработаешь. Так что Феня добывает самооценку мелким домашним деспотизмом, как все ничтожества. Давит на родных, будто каменная башка на остров Пасхи; гоняет своих «подопечных-поднадзорных» за тапочками, зажигалками, чашками чаю; и даже в минуты благодушного настроения ругает жену и дочь за тунеядство, хотя сам ведет откровенно прихлебательский и приживательский образ жизни. Но меня это несколько не расстраивало... бы — кабы не Тина. Я по ежегодным визитам вижу, как она деградирует в сторону своей матушки. Папаша с мамашей ее дотюкают. Еще пару годочков — и сидеть ей, томной барышне, у окна, в ночнушке и чепце, грызя кончик пера в поисках подходящего эпитета. «Я вас люблю, чего же боле», но я честная девушка, сэр, купите пивок.

Кстати, о пивках я здесь неспроста. Если тетя Нелли опять начнет уговаривать отца полечиться пивочками, я ее, Дуремара в юбке, лично до инсульта доведу. Никому не доверю. Нелли — сторонница разных нетрадиционных, неиспытанных, недоказанных и просто непристойных методов лечения. Отца, как человека, хорошо знакомого с

¹⁸ Христианский мученик, казненный римлянами. Ему разрезали живот и вынули внутренности.

естественными науками, от ее инсинуаций прямо корежит. Но он, деликатный мой, не может ни послать эту Нелку, ни даже посмеяться над ней. Мычит и пялится в пол или в стену. Все! Хватит потакать порочным пристрастиям провинциальных теток! Теперь я за отца. Как Жанна Д'Арк за Карла (номера не помню).

Опять же пора прекратить бесконечные споры между папаней и Феней, которые достали всех, кроме спорщиков. Будут выяснять все подряд: у них же ничего не совпадает: политические взгляды, спортивные кумиры, культурологические амбиции и любимая передача. Последнее — хуже всего. В прошлый визит они с Феней подрались из-за пульта, который в ходе разборки и доломали. А потом три дня спорили, кто новый купит. Сперва вину друг на друга переключали, потом принялись благородство души демонстрировать. А мы тем временем вручную каналы переключали. Как вспомню — сразу все это пришлое семейство ненавижу.

Но вообще мужчинам свойственно спорить из-за такой фигни — глаза б мои не глядели! Садам, Потсдам, Ирак, Мубарак! Орут, будто коты из подвального хора, пока пива не нахрюкаются и навзничь не упадут. Вот мы с кузиной Тиной разговариваем исключительно по делу: что носить, как стричься, где покупать... Ну, бывает, и мы друг на друга орем. Но ведь от нашего решения зависит *все*: внешность, стильность, продвинутость, самооценка, наконец. Мужики таких споров не понимают. Создается впечатление, что они способны друг другу глотку порвать исключительно во имя мировых проблем, решать которые будут не они. Во всяком случае, не в этой жизни. А вот конкретные вещи их угнетают. Они их даже критикуют, наши, женские конкретные вещи: дорого, мол, нерентабельно, лучше бы внутренне совершенствовалась! Ну, у папули хотя бы чувство юмора имеется. Ему скажешь про лучшее приданое для девушки — скромность и прозрачное платье — он хихикнет и отслонит денежку. А дядюшка — тот еще жмот. Наверное, поэтому и у тетки, и у Тины примерно одинаковое чутье: обе заходят в магазин, после чего синхронно и безошибочно выбирают самую дешевую и самую страшную шмотку. При этом дядюшка непременно скривится, будто стоматолог над Дракулой, и вздохнет с укропом. Дескать, какая бездуховность...

Да, мои опасения сбылись: Феня с супругой Нелли и с дочуркой Тиной прибыли в столицу нашей родины и поселились прямо в гостиной нашей ро... пардон, квартиры. Но основная проблема, конечно, не в тесноте, которую почему-то не полагается отождествлять с обидой. Во всяком случае, не в тесноте пространственной. Ее и потерпеть можно. Проблема в тесноте моральной. Или, если хотите, психологической. Мои благие намерения — типа пресекать маразматические рекомендации тетки, обламывать панибратские разглагольствования дядьки, защищать сырых и убогих, а также хилых и слабоумных — все погибло безвозвратно. Нет, у меня бы рука не дрогнула. И у Майки тоже. Но мамуля с папулей, почуяв надвигающуюся Вальпургиеву ночь, так умильно складывали ладошки, заглядывали нам с сестрицей в глаза, подпускали в голос медоточивости — и все ради одной цели: убедить обеих дочерей в несвоевременности открытого сопротивления или даже партизанской войны. И я, и Майка сдались. Пообещали вести себя корректно, отвести млявую Тину к магазину, а тошнотворную Нелку — на культурные мероприятия.

Мы исполнили обещание. Претерпели стыд и позор совместного шоппинга, когда наши провинциалки упорно, словно травоядные Серенгети, перли на барахолку. Да и в любом магазине ухитрились найти вещички, вызывавшие отчетливые ассоциации с китайским ширпотребом. Но мы с Майкой сомкнули ряды и плечом к плечу отражали натиск обезумевших толп в количестве двух лиц женского пола. Мы как можно мягче объясняли дурным бабам, что: а) гигантские бижутерные изделия, б) кожаные куртки из лоскутков, в) кислотные цвета уже не в моде. Во всяком случае шмотье, которое носили на рубеже восьмидесятых-девяностых, если и стоит покупать, то не в качестве последнего писка, а скорее уж в качестве последнего вздоха моды. Мы исправно оттаскивали наших распоясавшихся родственниц и от дешевых подделок, расплзающихся прямо на манекене, и от дорогого лохотрона типа актов (творческих), совершенных отечественными модельерами

с тканями и фурнитурой отечественного же производства. Мы удержали Тину от судьбоносных приобретений вроде вычурных блузочек из прошлогодней коллекции, подешевевших с десяти до пяти штук, не то ослабевшая от соблазнов деваха потратила бы половину своих сбережений на совершеннейший бесполезняк. И, наконец, лично я героически подставила плечо, когда тетке вздумалось припасть к живительному источнику — нет, не Ипокрены,¹⁹ а Мельпомены. То есть сходить не в кафешку-ресторашку, а в театр. И в какой большой!

Нелка, вообще-то, баба глупая и серая. Как раз настолько, чтобы Фене вмастило, и увидел бы он, что это хорошо. Но нет курицы без амбиций! И тетенька — не исключение. Неделю она нас донимала метаниями: пойти ли ей на Таганку, или в «Современник», или в «Ленком» — освежить страсти, бушевавшие в ее груди (видимо, во времена палеолита), посмотреть на любимые лица любимых звезд, пересчитать все морщинки, а затем нести и нести эту ценную информацию в массы, или же посетить новейшую постановку в новейшем из театров, дабы ей было о чем поведать родному птичнику, вернувшись в те самые «свои», где население просто умирает от любопытства — ну, как там столичная культурная жизнь? Какие еще безобразия учинили модные режиссеры-дизайнеры? Наконец, любовь к пересудам была преодолена, побеждена и погибла под пятой осуждения. Нелли изъявила желание сходить в самый-самый престижный (в ее табели о рангах) театр — в Большой. На «оперубалет». Она всегда произносила это именно так — в одно слово.

Что ж, операбалет так операбалет. Я подмигнула Майке и предложила сходить на «Набукко» Верди. А что? Опера? Опера! Классика? Классика! Мамуля поперхнулась и посмотрела на меня с ужасом. Она не любит — и вполне заслуженно — спектаклей, оформленных приятелем нашего дедули, довольно известным и довольно бездарным художником. Трапедия с голыми боярами, каковая, согласно древнему анекдоту, покушалась убить Мейерхольда путем обрушения,²⁰ видимо, для маменьки время от времени представляется единственным способом избавить мир от опусов нашего знакомого. Мамуля мне признавалась, что, глядя на декорации, которые тот ваяет, она всегда инстинктивно ищет табличку «Извините, у нас ремонт». Дедуля был того же мнения. Поэтому однажды, получив в подарок картину, где девушка, похожая на швабру тряпкой вниз (у девы была крошечная головка, плечи отсутствовали, а вместо талии и бедер где-то внизу болталась мятая юбка-миди самого идиотского фасона), грезил не то под луной, не то под осветительным прибором посреди лирически трактованной, то есть донельзя захламленной территории, дед так и сказал автору: мол, ты мне друг, но интерьер дороже. В гости ходи, ешь, пей сколько душа примет, но произведений своих не дари. Автор то ли обиделся, то ли не обиделся. В гости ходить не перестал, но и никаких больше девушек на мусорных кучах мы впредь не лицезрели — если не считать реальной пассии художника, тоже весьма напоминавшей швабру, взятую на изготовку. И вот этот друг сердечный, таракан запечный, оформил что-то такое из Верди ажно в Большом театре! Мы, из понятных опасений, не пошли. И избегли пренеприятных минут, вернее, часов. Все, кроме меня.

Я, конечно, небольшой любитель и знаток оперы. Равно как и балета. Мои пристрастия весьма банальны, но это — *мои* пристрастия. Сейчас было не до них, ибо я, бяка Лялечка, решила осуществить кровную месть. За что? Нет, не за вынужденно потраченные силы, время, деньги. И не за испытанное от присутствия того же Фени скуку и уныние. И не за неудобства, неминуемые, пока гости гостят. За унижения. Дело в том, что проклятуший Феня принялся расширять свои территории. Это своеобразный прием всяческого быдла: обнаружив рядом с собой мягкосердечных и воспитанных людей, представители быдла начинают теснить их к параше. Там, дескать, ваше место. Шаг за шагом прямо на вас

19 Источником Ипокрены традиционно называли шампанское.

20 Надо же, еще сто лет назад над попытками «осовременить классику» путем эротического переосмысления критика и публика хором посмеивались! А сегодня молитвенно восторгается. Как все-таки нашу сценографию «жизнь скрутила»!

надвигаются дикие, но несимпатичные выходцы из социально-биологических категорий, которые вполне можно считать переходными от человекообразных к насекомым. Они навязывают вам свою систему ценностей, свои убеждения, свои стереотипы и свою манеру поведения. Или ту, которую считают оч-ч-ч-ч подходящей именно для вас. Всю перечисленную программу освоения нашей моральной зоны решил воплотить в жизнь дядя Феня, уставший, видимо, от мирной тишины.

Разумеется, он не мог не почувствовать, насколько папуля деликатный человек. И родных своей жены жечь глаголом не станет. А уж тем более на мороз не выгонит. Фигурально — приезжают они всегда летом. Так что насчет мороза в Москве в это время слабовато. Вот и славненько! Феня тут же взял инициативу в свои руки. То начнет объяснять отцу, что батюшка мой зажил и заматерел в тепличных условиях, каковые сами собой создаются в мегаполисе для всех желающих. Пожил бы Лева-неженка в городе, где свет, вода и газ отключаются попеременно, улицы чистятся к юбилею, а состав воздуха включает в себя всю таблицу Менделеева и весь учебник по токсикологии. То примется критиковать все подряд — еду, воду, воздух, обстановку в столице. Ужасность и отвратительность во всем, экология гнуснейшая, атмосфера мерзопакостная, терпежу никакого нетути. Вот у нас в краю родном пахнет исключительно сеном и... натуральным продуктом.

Словом, Фенечка демонстрировал самые недвусмысленные симптомы самой банальной зависти. Предки перед ним только что не извиняются за причиненные неудобства, а мы с Майкой зубами скрежещем. Не добившись от старшего поколения никакой болезненной реакции, Феня переключился на младшее. Начал прям при нас высказываться в том духе, что, дескать, распустил ты своих баб, Левушка, распустил! Женщина в доме должна быть невидима-неслышима, легкою стопою пробегать, принося подносы, чашки, пепельницы, пледы и гигиенические принадлежности. А твои тобой помыкают, как хотят. Трудно им придется в жизни. Особенно дочкам. Да и жене, когда ты с ней разведешься. А разведешься ты с нею непременно. Ведь у тебя еще не прошел кризис среднего возраста. Ах, все-таки кризис прошел? Вот видишь? В ослеплении ты даже не заметил прекраснейший и перспективнейший период в судьбе каждого мужчины — не то чтобы воспользоваться! Мать сардонически улыбалась, качая головой. Отец отмахивался. А мы с Майкой просто ежились от омерзения.

Вот почему я повела Нелли на «Набукко». Мне вдруг захотелось, чтобы она не удовольствие получила, а пришла бы в недоумение, посидела бы в столбняке, почувствовала бы себя тупой и невосприимчивой, как пробка — и одновременно стала бы на пару часов, как вся наша семья на целых три недели, заложницей бездарного, жуликоватого человечка, который уверен: «Эти все стерпят!» Так, в принципе, и вышло. Опера эта у Верди первая, нудная, тяготящая. Исполнители пели так себе, только что не перхали, и казалось: весь состав внезапно поразил ларингит. А кто не заболел, тот подавился леденцами от кашля. Зато было отчетливо слышно, как звенят декорации, смонтированные на заводе имени Хруничева, катаясь по сцене. Надо отдать художнику-оформителю должное: он несколько не изменился со времен нашего с Майкой детства. Так же вторичен и обделен воображением. В общем, смотреть, мягко говоря, было не на что. Слушать тоже. Нелли после многочасового лицезрения стен, лесов, хламид и телес даже не имела смелости высказаться. Как-то сжалась, бедняжка, и всю дорогу до дома скорбно молчала. А вечером Феня разразился тирадой на тему деградации искусства. Видать, жена поведала ему о своем мучительном разочаровании.

Феня, изображая Снусмумрика в стадии Ондатра, болтал о бренности всего сущего, причем к месту и не к месту влезал с избитым «Арс лонга, вита бревис» («Искусство вечно, жизнь коротка»). Досталось и модернизму с постмодернизмом, и масс-медиа, и коммерческим направлениям. За бездуховность, естественно, за растление молодежи, за оглушение нации, за пропаганду секса и насилия. Майка, растленная девица, хихикала в кулачок, а я неожиданно призадумалась. Чего они, радетели наши, добиваются, ругая бездуховность? Чтобы на всех каналах воцарилась скука смертная? Чтобы Вульф и Толстая круглосуточно кидались серебряными шарами в гостей и зрителей, и это зрелище шло

прямым эфиром на ТНТ вместо «Окон» и прочих шоу с поисками золота в местах, непригодных для золотопромышленности? Что ж, это можно. И названьице подходящее найдется. «Боулинг злословия», например. Или представьте-ка сцену из фильма: выходит побитый в боях Терминатор, в два щелчка перезаряжает свой супермегабластер, потом басом произносит «Астелла виста, бэби!» — и... лекцию на сорок минут о бихейвиоризме.²¹ Всякий покупатель блокбастера получает бонус — после титров появляется Иммануил Кант и пару часов рассказывает зрителю о категорическом императиве. Да здравствуют звездные войны над нами и звездные амбиции внутри нас!

Дяде Фене, конечно, лучше ничего такого не предлагать. Он обидится. Он всегда обижается, встретив незнакомые слова в устной или письменной речи. И даже неважно, ругательство или научный термин. Ему стремно, что в жизни есть еще терра инкогнита, где он не успел наследить своими «отзывами и рекомендациями». Господи, еще неделю придется ждать, пока эта семейка Аддамс съедет. Хотя зачем я честных, добрых, умных и нравственных Аддамсов равняю с уродами из отравленной отходами промышленности русской глуши? Все! Я поняла! Это мутанты! У них сбой в программе произошел, поэтому сознание глючит! Общаясь с компьютерной техникой, я бы просто вышла и снова вошла. С людьми сложнее. Но выпроводить и отключиться — идея совсем недурственная. На мое счастье, вскоре ее осуществили. Нет, не мы, две интриганки. И не папуля. Он никогда бы себе не позволил выпроваживать женину родню. Значит... да, мамуля не утерпела. Ее снисходительности и отстраненности не хватило на последнюю треть «срока тяжких испытаний». К тому же Феня совсем того... распоясался.

В целом, не случилось ничего выдающегося. К Майке зашел приятель. Милый такой мальчик — бесформенные полуспущенные штанишки, мятый джемпер, руки вечно в карманах, на лице не то вселенская печаль, не то глубокая отрешенность. Ну, значит, сидят эти дети, общаются. Может, чай пьют, а может, пиво. Или мамулину наливочку пробуют. Или курят втихаря. Главное, чтобы меру знали. В конце концов, я в их возрасте тоже себе... позволяла. И тут врывается в Майкину комнату дядя Феня, больше напоминающий огнедышащего дракона Феню — и начинает орать, словно громкоговоритель на субботнике. И кроет мою сестрицу теми самыми словами, которые применяются, как правило, для укрощения (а может, для ращения?) самомнения у трудновоспитуемых подростков. Обзывает нашу Майю Львовну непотребной женщиной, характеризует ее поведение как безнравственное и незаконное, кавалера также критикует — и применяет все более и более жестокие, точные и асимметричные, как в политике говорится, выражения. Майке не откажешь в хладнокровии. Сперва она, разумеется, остолбенела, наподобие жены Лота, но, наглядевшись на учиненный дядюшкой погром Содомы и Гоморры, снова ожила. Аккуратно вывела онемевшего приятеля в прихожую, подала ему рюкзак и кроссовки, закрыла за другом дверь, потом повернулась к дядюшке, который пристал, словно горчичник к боку, и не отлипал. Скрестив руки на груди и нахмурившись, она послушала Фенин монолог еще с минуту (телевизионщик бы понял, как это долго!), после чего влепила обличителю такую смачную пощечину, что было слышно на лестничной площадке. По крайней мере, так сказала маман.

Не знаю, как намеревался разошедшийся Феня восстанавливать свой авторитет, но ему это не удалось. В момент, когда он отнял руку от щеки и залился новой тирадой, которую по каналам официального телевидения можно было бы передать одним сплошным «бипом», вошла мамуля. Феня сдуру кинулся к ней, как к подкупленному арбитру — ты, мол, посмотри на эту... Она и посмотрела — долгим материнским взглядом. Потом пошла в гостиную, достала из шкафа чемодан, с которым приехало Фенино семейство и молча поставила перед родственником. Мы с отцом прибыли как раз в тот момент, когда Феня, надутый, сидел в комнате, а Нелли металась по квартире, что-то крича про сестринскую неблагодарность.

21 Корректорам: этот термин пишется именно так и никак иначе.

У себя в комнате я обнаружила Тину. Прямая и напряженная, она стояла, заложив руки за спину и таращилась в окно. Не смотрела, не любовалась, а именно таращилась. Я в жизни не видела более невидящего взгляда. Я потрогала ее за плечо:

Тин, что произошло?

Ничего особенного, — отчеканила кузина, — Папа наконец-то обрел чувство дома. И начал устанавливать свои порядки. Эту форму общения он применяет ко всем, едва привыкнет к новой обстановке. Сразу утрачивает всякое понятие о вежливости.

Ах, утра-а-ачивает! — изумилась я, — Оказывается, у дяди Фени имеется понятие вежливости. «Сэр, вы сэр? — Да, сэр!».²² Истинный джентльмен! Общаться с таким — высокая честь и ни с чем не сравнимое удовольствие...

Ладно! — Тина повернулась ко мне, — Признаю. Мой отец хам и скотина. Ты это хотела услышать?

Нет. Не я. Это хочет услышать твой отец. Ему давно пора услышать нечто подобное. Потому что вы — ты и твоя мать — страшно его распустили.

Я и моя мать? — Тина не была удивлена. Просто в таких ситуациях полагается возражать или хотя бы демонстрировать недоумение.

Да, разумеется. Феня деспотичный, капризный и мелочный тип. Такие вечно требуют поклонения, им нужно внимание к каждому своему слову и похвалы для каждого своего шага. Если не держать деспота в руках, он подсядет на комплименты. И придется постоянно увеличивать дозы. Вам с матерью придется долго-долго лечить своего папочку. Может, ничего у вас не выйдет, и он никогда не соскочит, так и останется «комплиментарным наркоманом». А может, повезет...

Кому? Ему? Или маме? — Тина по-прежнему не проявляла никакого возмущения или изумления. Похоже, она все это про своего нервического папочку поняла давным-давно.

Тебе. В первую голову тебе.

Мы не продолжали этот разговор. Да и некогда было. Вошла мамуля и холодным голосом объявила нам, что завтра утром Феня, Нелли и Тина уезжают. Мы кивнули, но я особой радости не почувствовала, как ни старалась. А Майка даже шепнула мне потом: «Тинку жалко!» Да. Тинку-птичку жалко.

Это, честно говоря, нередкое явление — дети, потерявшие уважение к родителям. Можно принадлежать к одной семье, но не питать друг другу никаких положительных чувств. Почему-то большинство художественных произведений основано именно на этом предположении, а большинство документальных — на противоположном. Молодые, дескать, обязаны любить и почитать старших, а старшие — защищать, наставлять и поддерживать младших. Да ни хрена подобного. Мне вообще кажется: обязательства могут касаться действий — обязуюсь выплатить, обязуюсь поставить, обязуюсь посетить, обязуюсь отсидеть. Но не чувств! Как это звучит, ваще: «обязуюсь любить, обязуюсь уважать, обязуюсь быть благодарным!» Обрядовая формула, произнесенная перед алтарем — недаром при разводе о ней не вспоминают. А о содержимом брачного контракта — «обязуюсь уплатить, обязуюсь передать во владение, обязуюсь предоставить» — очень даже вспоминают!

Это смешно, но большинство людей путают последовательность действий и эмоций. Надо действовать так, чтобы вызвать соответствующие эмоции, которые, в свою очередь, вызовут действенную реакцию. Помощь и внимание *старших* — любовь и уважение младших — помощь и внимание *старшим*. И никакого короля Лира, грубияна и самодура почище Фени. Ну, у Лира есть оправдание — он жил во мраке средневековья, и его сознание не озаряла ни единая искра политкорректности. Вот он и не дожил до феминизма каких-то пятьсот с лишним лет. Или больше. А Феня дожил, да ни хрена не понял. А вместо этого выстроил броню между собой и дочерью — толщиной с ограду Синг-Синга. Вот Фенечке по

²² Цитата из фильма, где Холмс и Ватсон были особами женского пола. В нем еще Екатерина Васильева играла. Названия не помним.

подвигу и награда. Он для Тинки явно посторонний и неприятный человек. Ну что ж, бывает, бывает. Авось через годик Тина приедет поступать в институт, тут-то мы с Майкой ее и реабилитируем! Там явно есть над чем поработать. А сразу-то и не скажешь!

Через недельку после отбытия надоевших гостей все утряслось. И мы перестали морщиться и оглядываться по сторонам, точно боясь, что из-за шкафа на нас ринется призрак Фени, замерзшего у нашего негостеприимного порога в темную, холодную ночь — а вернее, в жаркий июльский полдень. Я набралась храбрости и спросила мать, как это она решилась прогнать сестру, хоть и двоюродную? А она ответила, что решение назревало давно. И не выкини Феня свой уникальный номер, ничего бы это не изменило. Все равно отношения с Нелли, длившиеся сорок лет, развивались-развивались, пока не начали деградировать. А все, что деградирует, надо оставлять за бортом — иначе у тебя не сохранится даже приятных воспоминаний. Или ничего, кроме воспоминаний. Причем вовсе не обязательно приятных.

— Отношения надо рвать, пока они не превратились в узы в прямом смысле слова, — грустно улыбнулась маман, — Как ни жалко, как ни страшно. Нет повести печальнее на свете, чем повесть об утраченных иллюзиях.

Ностальгия по неуловимым знатокам

Не совпадаю. Опять не совпадаю во мнениях. Ладно бы еще с предыдущими поколениями, а то и своих-то ровесниц слушаю, а сама мысленно кукиши складываю: первый, второй, шестнадцатый — конечностей не хватит. По-разному мы смотрим и на идеальных мужчин, и на культурные ценности. Видимо, эти сферы в чем-то пересекаются. И патентуются массовым обожанием. А еще сливаются в одно целое для некоторых особ с натурой повышенной пылкости. Вот, например, позавчера в курилке девки мерились духовной глубиной — будто гири отжимали. И под конец, разумеется, завели — так же, как заводится, скажем, моль — разговорчик: какие, мол, идиотские сериалы по телеку идут. Ну обалдеть, какие идиотские. Все оттого, что современные режиссеры не дотягивают, блин, не догоняют, не волокут. Сверхзадачу не постигают. А ведь «были люди в наше время».²³ Ну, не совсем в наше... И пошли сыпать названиями фильмов — все, как назло, из числа тех, которых я на дух не переношу. И не потому, что, мол, «не нравятся они мне». Все-таки это — не аргумент. Но я же не слепая: проколы сценария, тривиальность общей идеи, среднюю режиссуру и совершенно невозможный дилетантизм художников — все вижу. Причем я и половины «достоинств» не перечислила. А главное достоинство — без кавычек — таких фильмов есть их культовость. После того, как прозвучит культовое название, полагается реагировать соответственно — иначе тебя подвергнут остракизму.

А потому все девки принялись головами в унисон покачивать, словно целое стадо английских фарфоровых собачек. Их легонечко по темечку стукнешь — они и кивают, и кивают... Насколько хватает импульса. Тогда, в курилке, я было попыталась вклиниться в этот праздник единогласия и внести свой диссонанс в торжество единомыслия: ну, говорю, это шедевры не бесспорные! Все устаревает, и они, бедняги, тоже устарели. Чай, не Шекспир и не битая посуда, не судьба им два века скрипеть. Народ выслушал и вновь проявил единомыслие пополам с единогласием. Все одновременно поджались, как посоленные устрицы и заняли хором: «Ты не понима-а-а-а-аешь! Это было великое вре-е-е-е-мя! Это были великие лю-у-у-уди!» — ну и все в том же духе. Ни одного аргумента, одни лозунги.

Вернулась я в отчий дом — и так вдруг мне тошно стало! Что же, думаю, это такое дается, господа хорошие? Неужели я всю жизнь обречена, будто ледокол, разрезать ледяные торосы и демонстрировать устойчивость к нагрузкам и испытаниям — в основном психологическим? Ну, хоть когда-нибудь установится у меня взаимопонимание с окружающими? Ведь я же не с престарелыми склеротиками про их юности зарю туманную общалась! Я с представителями своего собственного поколения беседовала! У нас идеалы

23 М.Лермонтов «Бородино».

должны быть сходными! Почему?!! Доколе?!!

Как ни странно из психологического клинча вывела меня мамуля. Она мое душевное смятение, естественно, просекла — и спрашивает: что, мол, бегаешь из угла в угол и бормочешь матерно? Али я тебя не холю? Али ешь овса не вволю? Я и отвечаю: вволю, маменька, вволю! Только я к тебе претензию имею: почему ты меня родила непохожей на других, почему я вечно противоречу общему мнению? Ладно, мнение касательно людей — здесь дело субъективное. А мнение касательно идей? Оно-то не должно служить предметом столь откровенного противостояния между мной и сплоченными массами сверстников? «Ты что? Всерьез?» — изумилась мать. А узнав все, вплоть до названий тех самых фильмов, вдруг принялась хохотать дурным голосом, будто гиена в ночи. Я даже перепугалась. Отхохотавшись, мама произнесла целую тираду, которая меня откровенно поразила. И здорово успокоила. Если уж она в своем преклонном возрасте на это дело так смотрит, то уж мне и сам бог велел попробовать на свой белый зуб подсохший идеал.

Итак, мамино повествование: «Я, сокровище мое, конечно, помоложе создателей этих самых шедевров. Оно и хорошо. Значит, могу сказать не от лица вдохновителей, а от лица потребителей культурного продукта. Мы, кому сейчас хорошо за сорок — мы ведь на этих «шедеврах» выросли. И никаких альтернатив не имели. Ну не считать же серьезной конкуренцией нашему кино те огрызки, которые доставались обычному человеку по милости трудолюбивых советских идеологов? Каждый банальный, дешевый боевичок, каждая нехитрая комедия были на счету. На новые фильмы ходила вся страна просто потому, что они *новые* ! Ты даже не представляешь, чем мы с подружками занимались, встретившись в свободное от полезной, гм, деятельности время! Мы шли к афишке — в каждом квартале, на каждой остановке стояли такие стенды с пожелтлыми списками московских кинотеатров и с расписанным недельным репертуаром — просматривали ее всю, выбирали какое-нибудь заведение, где показывали нечто подходящее. Их все больше в честь городов называли. И непременно нападали на что-нибудь с диким именем навроде «Быкоборска». Потом смотрели адрес. Украина! Такси не ходит, в трамвай не содют. И ведь ехали черт знает куда, чтобы только посмотреть любимый или самоновейший опус советского или несоветского кинематографа. Видак был явлением экзотическим и почти запретным. Когда я училась в школе, у нас ничего подобного в доме отродясь не водилось. Но я — не о бесправном детстве, прошедшем в тростниковой хижине, я — о пристрастиях.

Вроде бы мне полагается быть киноманкой, пристрастной к старым фильмам. Практически весь мой досуг занимали кино и книги. Ты знаешь, только перед телевизором с книжкой на пузе я могу познать nirвану. Но! Но. Сейчас я выбираю и книжку, и фильм. А вот тогда я ничего не выбирала, а проглатывала все, что давали. Особых разносолов, как понимаешь, не было. Наши киностудии выдавали десятка полтора фильмов в год — по одной премьере на каждый месяц и по две — на новогодние праздники. По сравнению с темпами Запада, который сотнями выбрасывал на рынок киноленты всех стилей и жанров — это, конечно, был хронический запор, осложненный анемией и анорексией. Понимаешь? Средства и продукт должны оборачиваться! Потому что основа жизни — движение! Все с этим соглашаются — вчуже, но никто не хочет применять на практике. Даже я. Потому что хлопотно очень.

Вот, и философы, твердящие: ничто не вечно, жизнь есть круговорот, статика есть смерть, все течет, все меняется, и мы меняемся вместе со всем и вся — даже они готовы употребить описанные правила на чьей угодно практике, но не на своей личной, индивидуально-философской. В общем, дочь моя, человек постепенно теряет способность к изменчивости. Страшно меняться! Нам бы вылезти из сумасшедшего потока времени на бережок и просидеть под кустиком лет сто, наслаждаясь покоем и тишиной. Хорошо! А главное — сухо... Ну, и душеньку хочется потешить — разными приятными воспоминаниями времен пятидесятых-шестидесятых-семидесятых. Благо сейчас фильмы и песни из золотой, серебряной, платиновой и прочей повышенно драгоценной серии так и пестрят на экране, так и пестрят. Мы их воспринимаем не как фильмы или песни, мы их

воспринимаем как знак. Ты, заяц, знаешь, до чего мне не нравятся «Подмосковные вечера». Не терплю я эту лирику про косую милую на берегу заболоченной речки. Но если в какой-нибудь индийской или латиноамериканской глухомани, в ресторанчике с живой музыкой неожиданно зазвучит проклятущее «Не слышны в саду даже шо-ро-хи!» — а оно зазвучит, едва только официант узнает, что мы из России — я не стану а-ля дискобол метать в метрдотеля местные бурритос и паратху. Ведь это не песня — это знак. Символ уважения к стране. Буду сидеть и давиться блюдом с вынужденной улыбкой на добром-предобром лице.

Почему, спрашивается? Все просто. Я-то уже знаю разницу между символом эпохи и просто опусом. И когда при мне заводят разговоры типа «Какой подъем культуры, какие мастера, какие шедевры!» — я вижу, что под этим следует понимать. «Эх, золотое было времечко! Когда мы были молодыми... Фонтаны били, розы цвели, печень не болела, а почки если и набухали, то не в том смысле». Если станешь критиковать — на тебя ополчатся, как на святотатца. Ты ведь не фильмы-песни по косточкам разбираешь — ты на святое покушаешься! На светлые воспоминания о здоровой пищеварительной системе и о прочих системах, не менее здоровых, о коих неприлично упоминать при дамах. Старшее поколение ужасно не любит, когда на их «золотых времечках» ищут пробу.

Вот почему несколько... ну... расхолаживает, что ли, реакция молодого поколения. По крайней мере, таких, как ты, сердитых молодых... девиц: вам, увы, не греют душу знаковые старые фильмы и полувековой давности песенные хиты. Вы, детишки, как-то вежливо-невнимательно слушаете предков, когда те хором «заспивают»: «Вот кто-то с горочки спустился», вяло улыбаются при повторях «Кабачка «13 стульев», без пиетета смотрите какую-нибудь «Калину красную», и кажется, вот-вот в комнате прозвучит тихое, но внятное: «Отстой!» Чтобы добиться не *понимания*, но *почитания*, мы упираем на символический аспект: мол, не твоего сопливого носа, малыш, дело таких матерых человечис судить! Они выразили, отразили и отобразили нечто огромное и историческое. Эо, брат, эпоха! А дети, вырастая из возраста негативизма, потихоньку привыкают и проникаются. Да, мол, родные, ушедшая эпоха глядит на потомков с экрана глазами Женечки Лукашина и Нади, как ее там... Неважно. «Ирония судьбы» — симптом надвигающегося новогоднего похмелья и неизбежной желудочной колики. Но любим мы ее не только за это! Хотя насчет любви... Не все так бесспорно. Особенно там, где любовное притяжение подменяется привыканием и ностальгией.

И дабы нас, упаси господи, не разубедили в нашем привычном обожании изрядно потускневших застойных хитов, мы боремся всеми средствами и про ваше современное, «хитовое и клевое», слова доброго не вымолвим. Да еще противопоставим свое, незабвенное и неоспоримое. И сделаем вывод, что ваше «сегодня» и наше «вчера» даже сравнивать смешно. В разных они, так сказать, весовых категориях. Но, всласть позудев про оскудение земли русской талантами и духовностью, ненароком задумаешься: а так ли хотелось нам, юнцам и юницам, лет — цать тому назад слушать этих, с позволения сказать, соловьев на бесптичь?

Конечно, конкуренции у соловьев не было. Чувствительные натуры, которым сегодня хватает любовных романов и душещипательных сериалов, активно причащались чему есть, не разбирая вкуса. Как-то не приходило в голову, что для сознательного выбора — эстетики, жанра, идей — надо созреть не только художнику, но и человеку из публики. Вот примитивный аналог: есть надо оттого, что это нужно организму, а не оттого, что видишь, как в холодильнике без дела колбаса лежит, скучает. Преждевременно слопанный десерт отбивает аппетит — это знают все мамы юных сладкоежек. Но с нами десятилетиями поступали, будто с анемичным отпрыском, у которого вовсе аппетита нет: смотри, деточка, какая тетенька! Как она поет умильно, приложив ручку к щечке! Ну еще ложечку родной культуры — за маму, за папу, за мировую революцию. Нас перекормили. И вот наступило, как бы это поделикатнее, расстройство восприятия.

Я помню: в конце восьмидесятых я сама жалела, что «Следствие ведут знатоки» больше не показывают, и тем более не снимают. Ах, этот обаяшка Томин, элегантный

Знаменский, умница Кибрит! Как это было близко, интересно, знакомо, не то что разная там «Полицейская академия»! Вот и дождалась — сериал повторили. И что я узрела на экране? Жуткую лысоватую особь мужского пола в страшненьком буром костюме, розовой рубашке и галстук в капочку. То был Пал Палыч Знаменский. Рядом суетился, неумно остря и читая мораль одновременно, носастый мужчинка, занятый перманентным соблазнением нелепо одетой и жутко причесанной немолодой тетеньки, в которых я с недоумением узнала Томина и Кибрит соответственно. На всем лежал сизый нездоровый отсвет — плохая пленка и дурной оператор. Преступные персонажи только тем и были виноваты, что все как один мечтали жить по-человечески, а не по-советски. А когда Знаменский под конец каждой серии разъяснял обвиняемому, что жрать тому баланду до скончания века, мне, вполне воспитанной даме с университетским образованием, вчуже хотелось распусть пальцы веером и отрезать стражу порядка без околичностей: «Засохни, гнида!» Мир вокруг с дидактикой «Знатоков»... как бы это выразиться? Не состыковывался, что ли. Так же, как не стыкуются в космосе неисправные корабли.

Но страннее всего то, что даже фильмы и книги, которые — я помню точно! — были в числе любимых, сегодня у меня тоже вызывают какой-то дискомфорт. И раздражает-то не качество съемок, не игра актеров, не фабула и не декорации. Я не знаю, что за тучка возникает на горизонте, но едва вспыхивают на экране титры, я сразу начинаю бегать по кругу — ставить чайник, кормить кошку, заглядывать в ежедневник — что угодно, только бы не смотреть милых, обаятельных и музыкальных «Девчат», «Собаку на сене», «Моего ласкового и нежного зверя» и любое другое очаровательное «мыло» незапамятных времен. Причем «мыло» — лишь обозначение жанра, а не намек на качество! Нечего и вспоминать про качество...

Сама нездоровая атмосфера этого периода отечественной истории вызывает сухой кашель и одышку — психологическую одышку, если так можно выразиться. И к книгам довольно хороших авторов прошлого — подумать только — уже прошлого века я предпочитаю просто не прикасаться — чего зря тратить моральные и энергетические ресурсы, читая о войне, о целине, о бедах народных и личных! Мне больше нравится смотреть, как Сильвестр Сталлоне играет сапера, а заодно с Шарон Стоун в любовь играет: «Вот сидит паренек — без пяти минут он мастер!», чем сочувствовать обреченному на смерть бедолаге, который лезет на бруствер, обвесившись бутылками с горючим. То есть с бензином, конечно, а не с горячительным. Жалко парня. Погибнет ни за понюшку табаку.

Но у нас в стране большая часть населения знаешь, кто? Каботанты! Причем воевали все — кто с Германией, кто в Афгане, кто в Чечне, а кто в локальных конфликтах. У солдат есть семьи, которым тоже досталось. А те, кто относится к «мирным людям» — те с пеленок впитали эту гнусную спекуляцию, когда кровавую баню облагораживают приемами военной романтики. Ведь мирное время не легче, а даже в чем-то посложнее будет. Как там у Жванецкого: «Где свои? Где чужие? Неясно. Размыто». Вот они и вспоминают про то, как им все было ясно и понятно, как энергия ключом фонтанировала. В их жизни было место подвигу! А в нынешней — главным образом есть место интриге. И, как говорится, бывшие герои понемногу превращаются в зануд. Твой покойный прадедушка и пятидесяти грамм не мог на грудь принять, чтобы не завести речь про какую-то деревню, которую он самолично у немцев отбил. Пункт, настолько топографически мелкий, что и не поймешь: мушиное дерьмо тут или вправду обозначение на карте сделано. И так у него в душе этот Мухокакашин горел! Полвека жег и язвил. Тяжкое зрелище. Патриотизм в запущенной стадии. Никто и не пытался дедулю лечить — тем более, что это и не его язва была, а социальная. Главное было — не заразиться. Сохранить себя в здравом уме и твердой памяти.

Понимаешь, кому-то из каботантов, чтобы оправдать чудовищные затраты — личные, не личные, неважно — кому-то необходим пафос в постоянно растущих дозах. Они на нем сидят, как на депрессивные американцы — на этой отраве, прозаке. Другие предпочитают про войну вовсе не вспоминать. Было и прошло. Я и тем, и другим сочувствую, но мне симпатична вторая категория. А первую я на дух не выношу. И лирические-патетические

«шедевры», поднимавшие боевой дух, мне «и даром не надь, и с деньгами не надь». Вот. Но я терплю, если встречаю каботанта. Подневольные же люди, одной рыбой питаются! Вот и кривишь рот, морщишь нос, когда при тебе заводят разговор о «культовом» кино и литературе четвертьвековой давности: авось решат, что это добрая улыбка. Подобная гримаса появляется автоматически — когда тебя потчуют чем-то невкусным, а ты не можешь напрямик отказаться. И вот набираешь полный рот предлагаемой гадости и усиленно делаешь вид, что жуешь. Опять гастрономические ассоциации! Но что может быть ужаснее пытки любовью: кушай, солнышко, кушай, это полезно для костей, для роста, для интеллекта! Мы, когда маленькие были, тоже это кушали, нас так же тошнило, и ничего, как видишь!

В общем, в результате всех этих противоречивых чувств у меня сегодня аллергия на все предметы культуры, по которым полагается тосковать. Очень удобная вещь — повышенная чувствительность: не надо обвинять меня в тупости и необразованности, просто я не переношу того-сего, пятого-десятого и родной культуры в том числе. И рада бы, да вот... И ловлю себя на том, что все реже заглядываю на канал «Культура»: ведь здесь постоянно норовят рассказать про очередной замшелый шедевр, раздувая в зрителе искру ностальгии. Увы! Хладен пепел... Иной раз и сама удивляюсь: почему произведения, вызвавшие когда-то (во времена ледникового периода, по мнению сегодняшних тинейджеров) бурю в моей душе — почему сегодня они смешны или утомительны, будто проповеди полуграмотных гуру? И неважно о чем речь: о песнях бардов, или о спектаклях Таганки, или о сексуальной революции. Не только те вещи, которые, по размышленьи зрелом, далеко не так хороши, как нам зубры от идеологии много лет внушали, но и те, которые действительно были качественно задуманы, профессионально сняты, талантливо поданы — они, дуся, тоже раздражают.

Чем-то это раздражение похоже на то, как мы, став взрослыми дядями и тетями, рассматриваем семейные альбомы с толстоногими лысыми существами, пускающими пузыри, и слушаем рассказы школьных подруг о нашей нервной реакции на честное изложение того, откуда дети берутся. Вот, думаешь, надо же мне было быть такой дурой в семь (в десять, в тринадцать, в двадцать пять) лет! «А эта тоже хороша!», — распляешься на болтливую подружку детства, — «Ишь, расселась, глазки закатила, аж взопрела вся от восторга над моими инфантильными глупостями!» А ведь, между прочим, это вполне закономерное психологическое отторжение давно пройденного этапа! Когда прошлое не розовым флером и не золотистым туманом окутано, а представляется исключительно в тонах серо-бурых. И пахнет не то чуланом, не то болотцем. И встречается такая реакция не только не реже ностальгии и сладостных (хоть и не слишком достоверных) воспоминаний, а даже и чаще. Вот, думаешь, вы меня манной кашей пичкаете, я для нее либо уже взрослый, либо еще молодой!

Словом, не переживай ты по поводу несовпадения со стандартами. Стереотипных формул всегда больше, чем индивидуальных мнений. Ты с ними повсюду столкнешься, куда ни глянь. Привыкай. Учись себя отстаивать. А заодно не лезть на рожон. Это дело утомительное, продолжительное — лет на десять, минимум. К тому же у нас в отечестве долго-долго существовала мода на все, чего ты так не любишь: на инфантилизм, на ксенофобию, на шовинизм... Неудивительно, что у многих мозги, словно Пизанская башня, набекрень!»

Мама меня утешила. Она как человек вдумчивый на все смотрит со спокойным благодушным цинизмом, и старается обойтись без огульных обвинений. Судит, в общем, неласково, но в молодости-горячности ее не обвинишь. Так что предложенную альтернативу — терпеть или возражать — придется осмыслить всерьез. Но я уже знаю, что выберу. Недаром я не столько Лялечка, сколько бяка.

И одно я знаю совершенно точно: чувство, даже похвальное, вроде любви к родине, когда оно готово тебя затопить, захлестнуть и растворить — такое опасное стихийное явление надобно... вовремя сливать. В смысле, сублимировать. Словом, думать всем мозгом,

а не только гипоталамусом или щитовидной железой. А эмоции копить, усугублять и упиваться — неоправданный риск. К тому же мне, честно говоря, кажется: народ все больше выдумывает про свою «вечную любовь», «горячий патриотизм» или «душевную ранимость». Их жизни, скорее всего, требуется новое наполнение, будто старому матрасу. А то бессонница начнется и утренней депрессией замучит. Вот от страха и стараются, бедолаги, ищут на свои нижние чакры приключений.

«Сестра моя, жизнь, и сегодня в разливе»

Нет, не верю я в искренние проявления бурных страстей. Все эти припадания к стопам возлюбленного существа, ежедневные послания на восьми страницах с описанием мельчайших душевных движений, бряцания на струнных инструментах с немелодичными подвываниями про «самую симпа-а-атичную во дворе-е-е-е» — как и прочие безделицы в том же стиле — в равной степени порождены избытком времени, трепетным отношением к классике и бурным развитием блатного фольклора. Ну, посудите сами: вот растет себе девочка, читает, согласно школьной программе, про пылкость дам и девиц (не говоря уже о кавалерах) поза- и позапозапрошлого столетий, изумляется и проникается. В детском возрасте так легко принять все описанное классикой как странное, выпадающее из стандартных рамок, за единственно верную, элегантную и значительную манеру себя вести. Притом массовое поветрие не может не превратиться в моду, мода — в тенденцию, а тенденция — в культурную традицию. Нужно только время. У России на формирование соответствующего обычая — обычая тяжко, но не без удовольствия, страдать шизофренией — времени было предостаточно.

В общем, отсюда и пошла по Руси эпидемия — я бы даже сказала, пандемия — истерических проявлений. И не только у девочек, задержавшихся в пубертатном периоде до седин, но и у мальчиков с их век не леченным инфантилизмом. И сколько же вокруг народа живет исключительно тем, что набивает свое существование, будто старую подушку новым пухом, страстями небывалыми (то есть в буквальном смысле небывалыми — процентов на 90 выдуманными)! На полном серьезе изображают героев мыльных опер. И в довершение всего норовят заявиться на какое-нибудь ток-шоу типа «Большая помойка» и здесь в деталях и во всеуслышание изложить весь сюжет, «лихо закрученный». У меня просто уши вянут, когда приходится выслушивать нечто в этом роде от дорогих подружек: «Слушай, он такой клевый! Эсэмэски шлет километровые, на органном концерте плачет в голос, даже песню для меня написал! Для арфы, флейты и трех шаманских бубнов. Говорит, если я его брошу, он того... перекинется. От чувств-с!» Не! Не верю, не верю, не верю.

Причем нервические проявления нежности внушают мне сомнения не только тогда, когда их демонстрируют по отношению к моим подругам. То есть я не от зависти такая недоверчивая, а совершенно по другой причине. Более глубокой. Натура у меня такая — обильно уснащенная исследовательскими наклонностями. Удивительная вещь: при полной и безоговорочной любви к себе я не абсолютно не верю, что из-за меня можно угодить под трамвай. Ну, если только случайно. Типа глубоко задумавшись. Скажем, о моей классной заднице. А тут как раз из-за угла судьба подстерегла и наехала. И не откачали. Может быть? Может. Еще как! Только что будет тому виной: божественная форма моей пятой точки или состояние глубокой рассеянности?

Может, я настолько холодный человек, что и сама порывов не ощущаю, и другим не верю? Когда меня заверяют, что я — красивая аж неземная, настораживаюсь. Хотя целиком разделяю эту точку зрения. Когда слышу клятвы в вечной дружбе — испытываю неловкость. Когда мне говорят, что я прекрасный человек, начинаю подсчитывать, во что мне это обойдется в дальнейшем. Не верю — и все! И самое смешное: практически никогда не ошибаюсь. Но и не осуждаю других за их корыстные интересы! Осуждаю — за уродливые проявления. За что меня, как правило, осуждают дважды. Вначале — за цинизм и отсутствие веры в прекрасные порывы. Потом — за снисхождение к низменным намерениям. Как ты

можешь так жить?! Нормально. Без особых восторгов, правда. Но пенять на устройство мироздания не хочется. А еще не хочется грузить себя розовыми соплями и представлять глупее, чем ты есть, незнамо кому в угоду. Просто потому, что так принято. Может, это некая разочарованность в жизни и в людях? Да нет. Или я еще ни в кого не влюбилась? Вот влюблюсь, и меня заколбасит и расплющит не по-детски. Или не расплющит. Поживем — увидим.

Речь сейчас не обо мне. Речь об Алке. У нее очередной роман в состоянии угасания. Вернее, агонии. У Алки имеется невероятно счастливая особенность влюбляться «раз и на всю жизнь» минимум раз в сезон. Началось у нее это еще в школе. Я уже слушала рассказы взхлеб про Димона-гегемона, самого красивого мальчика в классе, с которым они попеременно целовались, дрались и шантажировали друг дружку, потом про Петюню Бутырского, самого некрасивого мальчика в классе, с которым они также дрались, целовались и шантажировали друг друга. Потом был Илюша-математик, эмоциональный дегенерат, которого Алка целовала, била и шантажировала уже в одиночку. Как я поняла, Илюшино непротивление и невовлечение в Алкино «половодье чувств», сильно подействовало на девушку: на поиски отмычек к его эмоциональному клапану она потратила целые полгода выпускного класса. Потом ей было некогда: сдавала выпускные и вступительные экзамены. Но вскоре снова начала стремительно набирать обороты. Моя сестрица как-то съязвила: если бы Алке удавалось засушить каждого использованного хахала на память, то к окончанию университета она смогла бы собрать многотомный гербарий. Но Алка — человек великодушный и, немного помучив маленького, она его добивать не станет, а непременно выпустит оклематься на волю.

И вот сейчас у Алки ЧП. «Отработанный» бойфренд никак не хочет с ней расставаться, и Алке срочно потребовалась «тяжелая артиллерия» в лице трех лучших подруг, чтобы наконец-то решиться и окончательно порвать с Валериком. Я терпеть не могу влезать в чужие отношения, но тут особый случай. К Алкиным романам я относилась довольно равнодушно, по принципу «упал-отжался». Ну, хобби у человека такое. Кто-то крестиком вышивает, кто-то со зверским выраженьем на лице бьет каблуками пол на уроках фламенко под заунывные крики испанских певцов, а Алка — романирует. Ее проблемы. Но Валерик произвел на меня тягостное впечатление.

Он был из тех идеальных мальчиков, которые никогда не вырастают. И очень нравятся родителям девочек. Прежде всего — своей безопасностью, серьезным отношением к жизни, которое по преимуществу выражается в полном отсутствии чувства юмора, и потенциальным благородством намерений, которым всегда можно воспользоваться, если хочешь избавиться от подросткового ребенка. Валерик был золотым медалистом, спортсменом, круглым отличником и психом. Все семейство Снорков, возведенное в десятую степень. Плюс Снифф во всей красе — жадноватости и трусоватости. Гремучий коктейль.

Его креча была тщательно взлелеяна собственными родителями, которые, очевидно, сразу после рождения ребенка стали готовить его в терминаторы. Поскольку за самими родителями никаких особых достижений не числилось, они решили отыгаться на младеньчике. Валерик должен был быть всегда первым и самым лучшим. Если ребенок из школы приносил четверку, его объявляли «позором семьи». Плоды воспитания не замедлили сказаться: Валерик с двенадцати лет наблюдался у психоаналитика, и Алка строго-настрога запретила мне говорить Валерику «добрый день», ссылаясь на его сложный внутренний мир и полученную в детстве психотравму. Вначале Алка просто упивалась комплексами своего бойфренда, потом подустала, но Валерик всерьез и не по-детски добивал Алку ее же оружием: устраивал ей сцену за сценой. Посему Алка созвала своих подруг, дабы они поприсутствовали при возвращении Валерику его «случайно» позабытых в Алкиной квартирке вещей и не позволили профессиональному зануде втянуть Алку в очередную дискуссию об их отношениях и пробить ее на жалость. Естественно, я согласилась.

Добралась я до Алки, когда девчонки были уже в сборе. Вид у них был настолько грозный и торжественный, что я расхохоталась:

Привет, гаубицы!

От такой же и слышим, — кисло хихикнули девки в ответ.

Все старательно делали вид, что ничего не происходит, под оживленно-нервный разговорчик.

Наконец, Валерочка прибыл. Он застыл в дверном проеме, обводя нас взглядом, словно перед ним предстали во всей красе Чужой-1, Чужой-2 и Чужой-3.

Так значит, ты действительно... — воскликнул он и упал в обморок.

Все происходящее после было похоже на старое кино, которое я наблюдала со стороны. Тривиальная мизансцена, страсти в ключья, запоздалое раскаянье, герой на полу в соплях... Алка тем временем хлопотала над Валериком, положила его голову себе на колени, девчонки с испугом на лицах побежали за водой и нашатырем.

Лялечка, вызови «Скорую»! — крикнула Алка.

Ее крик вывел меня из оцепенения. Никакой «Скорой» я вызывать не стала. А подошла к распростертому гаденышу и отвела от его носа пузырек с нашатырем.

Это не поможет! Здесь нужна более интенсивная терапия!

Я наклонилась над бесстрастной Валериковой мордашкой, со всей силы цапнула его за нос и резко потянула вниз, делая «сливу». От неожиданности Валерик взвыл и подскочил. Следом заорали девки.

Вот и пришел в себя, — произнесла я деланно сладким голосом, — Ты получше ничего придумать не мог, чудила?

Валерик хлопал глазами и страдальчески сопел:

Ты мне нос сломала, дура!

Он принялся осторожно ощупывать свой красный и слегка распухший обонятельный орган.

Да пройдет у тебя все через пять минут. Хватит камедь ломать! Меня на историю про сложный внутренний мир не возьмешь. К тому же я знаю, как выглядит человек в обмороке. У тебя, одуванчик — толстые щеки, рожа слишком румяная.

Да что ты себе позволяешь?! — взвился Валерик.

Гораздо меньше, чем ты — себе. Ты, голуба, обычный манипулятор — кстати, не самого лучшего качества. Нормальное явление для мамсика, который привык добиваться своего любой ценой.

Для ко-го-о-о-о?! — Валерик уже не орал, а звучно шипел, подпуская в голос нотку драматизма.

Не будь у меня чрезвычайно темпераментной родни — и в том числе феерической тетушки Натали с ее темным артистическим прошлым — я бы усомнилась в собственных подозрениях. Но тетя Ната и не такое откалывала: валялась по всему дому в отключке, закатывала истерики, билась в пароксизмах, впадала в каталепсию — и все ради сущих пустяков вроде признания жуткого сооружения, похожего на подушку с букетом и бантом, за великолепную модную шляпку. Или за право смотреть очередной карамельный сериал как раз в тот момент, когда папуля, наконец, устраивается перед экраном с пивом и выражением счастливого ожидания на лице. Я не люблю футбол, путаю названия команд и не знаю, как выглядит Бэкхем (Ах, это тот, который отбивает у вражеского войска свою банку «Пепси»? А! Тогда знаю!), но папину потребность посмотреть долгожданный полуфинал уважаю. А мыло, которое повторяют трижды в год — вообще не повод для дилеммы: смотреть — не смотреть.

Если, впрочем, кому-то подобный подход кажется чересчур женским, нельзя не согласиться — это правда. Правда, но... частично. Поскольку кругом пруд пруди женственных мужчин и мужественных женщин. И они используют предоставленные судьбой средства как им заблагорассудится. И в качестве триумфа тоже выбирают что им заблагорассудится. Достать человека, которому ты осточертел, заставить его плясать под твою дудку против воли, выжать досуха — ничуть не хуже, чем очаровать, обаять, покорить и лишь потом выжать досуха. Валерик выбрал, вероятно, единственно возможный путь:

манипуляцию и домашний театр. И теперь бедная Алка хавала то, что из Валерика вылепили его ненормальные родственнички.

Прекрати меня оскорблять! — надрывался Валерик, осветив помещение зардевшимися ушами.

Да, Ляля, ты уж как-то слишком... — заголосили остальные, боясь, видимо, что один из нас убьет другого.

Ах, ты не мамсик? — не обращая внимания на хор сочувствующих, нежным голосом пропела я, — Ты крепок, надежен и сдержан? На тебя можно положиться? Тогда почему, бога ради, Аллочка пригласила такое количество народа на финальную сцену?

Я пришел поговорить с Аллой, и нам твое присутствие совершенно не нужно! — Валерик лез прямо в расставленные сети.

Тебе оно, разумеется, не нужно. Оно нужно *Алле*. Если бы она тебе доверяла, то не стала бы скликать соратниц на это малоприятное зрелище. Алле требовалась поддержка. Ей просто не хотелось, чтобы ты ее дожал и все началось бы по новой!

Алла! Это правда? — Валерик оборотился к несчастной предательнице. Подруги молча сомкнули ряды, сплотившись вокруг засмутившейся Алки, — Значит, правда. Ты тоже считаешь меня... г-ы-ы-ым-м-м-м! — ему изменил голос, — Считаешь меня инфантилом?

Валерочка, мне просто тяжело смотреть, как ты страдаешь... — пошла на попятную Алка. Еще мгновение, и он раздует в ней комплекс вины, а потом сожрет мою подругу с костями.

И поэтому ты пригласила какую-то хамку, которая обвиняет меня черт знает в чем?! — Алка молча сглотнула.

Да. Гвардия обходит с флангов. Причем всех.²⁴

Послушай, дружок, — не сдавалась я, — ведь ты давно этим увлекаешься? Обморок, конечно, безотказная отмычка. Бам-м-м — и ты на полу, обмякший и беззащитный. Спорить с полутрупом — занятие неблагодарное. И все вынуждены удовлетворять твои требования, сколь бы смешотворны они ни были. Так?

Н-н-нет-т-т-т!!!

Значит, ты всерьез лишился чувств-с. Вы, как говорил товарищ Дынин малолетним симулянтам, «болезнью заболели».²⁵ Тогда почему у тебя, если не считать собственно падения, никаких других признаков обморока не обнаружилось?

Каких-таких... признаков?

Нечувствительности к боли — «сливку»-то ты ощутил! Бледности кожных покровов. Синюшности губ. Расслабленности мышц. Последующей вялости и слабости... Аллочка, ангел мой, принеси-ка нам «Медицинскую энциклопедию». Я знаю, у тебя есть. И мы зачитаем Валерику, как полагается вести себя всякому добропорядочному (пусть и слегка припадочному) джентльмену. Ну что, согласен?

Э-э-э-э... — заблеял Валерик, обводя нас глазами. Он явно скис, столкнувшись с пронизательной, предусмотрительной и безжалостной Фемидой в моем лице.

Валера, как ты мог?! — прошептала Алка. Остальные в унисон наморщили носики и покачали головами.

Аллочка! Я все объясню! Я хотел тебя удержать! Я не знал, как быть! Ты мне нужна! — Валерик взывал, простирая длани, но общее сочувствие угасло, как угли под пеплом.

Все. Слово из пяти букв, второе «и». Легальный вариант — «фиаско». Команда «Подруги» выигрывает с разгромным счетом.

Потом, конечно, наша беседа тянулась и тянулась — пока вконец не затянулась. Настроение для драматического финала было упущено безвозвратно. Алка, поняв, что ее водили за нос — точно так же, как маму, папу, бабушку, дедушку, собачку и хомячка —

24 Цитата из фильма «Тот самый Мюнхгаузен».

25 Цитата из фильма «Добро пожаловать, Или посторонним вход воспрещен».

окончательно утратила сомнения в целесообразности разрыва. Но! После того, как Валерик уполз восвосяи, Алка закатила истерику. Мне.

Слушай, что у тебя за манера все опошлять! — завелась она.

Опошлять? Я что-то пропустила? Там было еще нечто непошленное, в вашем экстагическом единении? — я этого не хотела, но сарказм в голосе возник сам собой.

Да-да! — вступил хор античных дев, символизирующий укору совести. Весьма голосистые и фигуристые укору.

Ты, Лялька, бяка такая, сделала все, чтобы я о Валерике вспомнить не могла без омерзения! — с чувством произнесла Алка, — Зачем было все портить? Я думала, он ко мне относится по-особому, по-рыцарски, а ты... Ну зачем были нужны эти игры в миссис Марпл?

Во-первых, в мисс. Не клевети на невинную старушку, — я попыталась перевести адресованное мне обвинение в шутку, — А во-вторых, без моих, как ты выражаешься, «игр» вы все сейчас играли бы в *его* игры. Он тут прохладчался бы на диванчике с компрессиком на голове и томным голосом вопрошал: «Ты ведь останешься со мной? Ты ведь не бросишь меня?» А вы втроем кивали бы, словно китайские болванчики.

Нет! Я бы с ним порвала! Но не так! У меня, по крайней мере, сохранилось бы ощущение... будто... будто... будто меня искренне любили! Вот! Я бы верила, я бы знала: из-за меня *можно* упасть в обморок! — Алка гневалась и болела одновременно. Кажется, развязка ситуации задела ее за живое.

Алл, ну пойми: из-за тебя и застрелиться насмерть можно, не только «болезнью заболеть». Просто Валерик — не тот случай. Он, как там у Булгакова? — «жуткий охмурыло и врун».²⁶ Ему важно добиться своего, а твои интересы ему вовсе нипочем. Как и твое душевное благополучие. Знаешь, чем любовь отличается от страсти? Я недавно прочла. «Любовь говорит: полюби меня, или мне будет плохо, а страсть говорит: полюби меня, или тебе будет плохо». Валерик маскируется под любовь, а на самом деле готов тебя в своих соплях утопить, лишь бы самолюбие потешить!

А мое самолюбие? — взвилась Алка, — О моем самолюбии ты не подумала? Теперь я все время буду гадать: меня действительно любят, или только шантажируют!

Ну и что? — удивилась я, — Я всегда задаю себе этот вопрос. Если ни о чем подобном не задумываться, можно так нарваться! Мало не покажется. У него, видишь ли, горит внутри, а я, сами понимаете, терпи, утешай, удовлетворяй — хотя мне, может, и не хочется. А то, не приведи господи, он расстрадается и примет на десерт таблетки своей бабушки. Да разве это жизнь — трястись над истериком и плевать на самое себя?

Ты меня с собой не равняй! Ты же холодная, как... как... Как не знаю что! Тебе безразлично, что о тебе скажут! И тебя не волнует, что жизнь-то пройдет, а в старости и вспомнить будет нечего!

Оп-па! Мы, оказывается, на старость воспоминания припасаем. Только этого мне не хватало. То есть я всерьез предполагала: нас пригласили в качестве группы поддержки. А оно вон что: мы здесь в качестве группы зрителей. Нашей троице, видимо, полагалось сидеть тихо и в унисон вздыхать. Причем не утомленно, а растроганно. И потом рассказать любопытствующим, какие нешуточные страсти кипят в Валериковой душе по Алкиному поводу. А тут — р-р-раз: я превратила молитву в фарс! Да. Нет мне прощения. Вот пойду и утоплюсь.

Естественно, суицидальных намерений у меня не было, я не утопилась (тем более, что неплохо плаваю). Я просто вдрызг разругалась с Алкой и с ее присными, объяснив, по простоте душевной, что «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива». И что Валерик с его привычкой делать из нормальной жизни античную трагедию ей, Алке, подходит как нельзя лучше. Они, дескать, составят великолепный классический дуэт, народят деток с кислыми мордашками и будут пятьдесят лет кряду рвать страсти в клочья. На публике. Пока одного из действующих лиц не обнимет кондратий.

26 М.Булгаков «Мастер и Маргарита».

Конечно, права была одна француженка по имени Мари де Розмонд, заявляя: «Для мужчины нравиться — лишь средство триумфа, для женщины — это и есть триумф». Только женщины бывают разные. Меня, например, в любой ситуации больше занимает вопрос о том, сколько я получу, а сколько — потеряю. Меня действительно беспокоят, главным образом, собственные *ощущения*. А куриц вроде Алки — какое она произведет *впечатление* на аудиторию. Актриса погорелого театра. Хотя насчет идеального тандема Алка-Валерик я несколько погорячилась. Насколько я знаю, демонстративных личностей а-ля фрекен Снорк вместе объединять нельзя. Они примутся тянуть одеяло на себя, спорить из-за каждой реплики, из-за каждого аплодисмента — и перегрызутся непременно. Алке, наверное, не Валерик-истерик требуется, а спокойный, любознательный тип. Снусмумрик, например. На худой конец, сойдет Снифф — как трепетный фанат, или Муми-тролль — как антрепренер, режиссер или продюсер. А в Валериковой психике навалом черт, аналогичных Алкиным: тщеславие, боязнь провала, актерство, зависимость от чужого мнения... Долго перечислять.

Я иногда сочувствую таким бедолагам. Им тяжело живется. Слава — неверная подруга. А кроме нее, вокруг еще уйма других неверных подруг. И, сколь тщательно ни планируй постановку, ее непременно кто-нибудь сорвет. Как я — выбежит на сцену с огнетушителем и все могучей струей зальет. Жаль, что у Алки не хватает мужества заранее признаться: мол, нравится мне это. Люблю шекспировские и нешекспировские страсти. Только без публики все-таки удовольствие неполное. Вы уж, девки, посидите, полюбуйтесь. Можете потом рецензию накатать или устным отзывом ограничиться. Но по ходу действия не встревайте. Я бы и не влезала куда не следует. Что я, стерва? Или все-таки стерва?

Наверное, пока еще не совсем. Пока я — это я. Бяка Лялечка. И чтобы понять, какво это, «оставайтесь на линии»!